

18+

Стас Арт

ОЛЕНЬ В ГАЛСТУКЕ

Часть первая

Стас Арт

Олень в галстуке. Часть первая

«Издательские решения»

Арт С.

Олень в галстуке. Часть первая / С. Арт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-590730-1

Молодой человек или мальчик неизвестного возраста отправляется в невероятное, нет, не в невероятное... в сумасбродное путешествие, ибо ум сбрести то и дело собирается, пока спутница всё время улыбается, птица издевается, олень переодевается и всюду всё меняется.

ISBN 978-5-00-590730-1

© Арт С.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
КОНТРАБАНДА	7
ЕЛЕНА	9
БАНАНОВАЯ ЛОВУШКА	11
ПОТАЙНАЯ КОМНАТА	15
СТРАННАЯ ПТИЦА	18
МИСТЕР ТВИКС	20
ВРЕДНЮЩАЯ ДВЕРЬ	23
ПЕРНАТЫЙ ПЕРЕПОЛОХ	26
ПРОГУЛКА ПЕРИННО-КОЖАНАЯ	36
ПОДСТАВА В ГАЛСТУКЕ	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Олень в галстуке

Часть первая

Стас Арт

© Стас Арт, 2022

ISBN 978-5-0059-0730-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0059-0731-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

У меня всегда как-то многое не получалось, а если что и получалось, то вскоре получаться переставало, потому что я продолжал настойчиво убеждать себя в том, что оно не получается, а оно, получается, особо не собиралось доказывать мне, что это не так.

Я мог бы рассказать историю про с десяток или того больше различных миров, в каждом из которых познакомился с неповторимыми мастерами, правда сами они себя так никогда не называли, но нужно же как-то их назвать. Однако, в этой книге речь пойдет об одном из самых причудливых моих путешествий, которое наверняка сможет перевернуть сознание и человеку, и обезьяне, и цапле – даже если последняя уже висит вверх ногой (одной).

Сейчас я хоть и сказал бы, что всё и все есмь одна веселая, озорная песочница, но в то время ум мой напоминал мягкую игрушку, которую терзали в разные стороны различные непонятности, а то и вовсе – йо-йо. То, что происходило со мной, а главное – как, определенно не вписывается ни в одну из известных историй, и, скорее всего, ни в одну из еще неизвестных.

КОНТРАБАНДА

Никогда еще не было такой подставы, чтобы во сне первым, что я осознал, было ментоловое дуновение в мое лицо. Точнее, это был буквально мятный леденящий шквал:

– Ха-а-а-а, – усиленно выдыхал на меня олень.

– И тебе привет, – жалобно сказал я, приходя в себя. – Можно как-то впредь вот без этого?

– Неужели ты не замечаешь? – объяснял Алик, мое дыхание усиливает уровень твоей осознанности во сне, соответственно и твою способность управлять сном.

– Но я что-то не припоминаю, чтобы в снах часто чем-то управлял, – жаловался я.

– Это потому что сейчас у тебя скорее мастер-классы, чем классы мастера, – заявил он.

– Чего-чего?

– Ха-а-а-а, – сразил меня он снова ментоловым шквалом.

– А, ты имеешь в виду, что я пока типа скорее в автошколе, нежели в свободной езде? – спросил я вдруг.

Олень закивал и добавил, что потому-то все чаще всего и более-менее фиксировано, а не меняется, как семь пятниц на дню в бешеном сновидческом вентиляторе восприятия, что определенная сила создает и держит для меня некоторые сны.

– Собственно, я тебя чего звал, – чавкал он, – приглашаю тебя и всех, кого сам захочешь, на Представление. Приходите, будет очень весело.

– А что это за представление такое? – залюбопытничал я. – И куда, собственно, приходить?

– Увидишь! – весело сказал он. – А приходить сюда, в сновидение. Здесь и будет представление. Раздай, пожалуйста, билеты всем, кому пожелаешь.

– И каким же это образом нам всем прийти в один сон? А билеты-то как раздать?

– Как ты умудряешься задавать столько вопросов от ума даже во сне? – ехидно спросил Алик. – Как вообще сновидческая таможня пропускает твой ум на борт?

После этого вопроса я услышал звук, как в аэропорту. Олень продолжал что-то говорить, но я воспринимал его уже отдаленно, с каким-то эхом. Сам же я переместился в знакомую обстановку какого-то аэропорта. Точно, это Шереметьево-2. На табло вместо множества различных городов была куча строчек с одним лишь пунктом назначения: «Сновидение», аэропорт DRM. А вот времен вылета хоть отбавляй: 01:57, 01:58, 01:59 и т. д. Я стоял у стойки сдачи багажа и обнаружил в своих руках билет, на котором указано время 01:60.

– Ух ты, – восхитился я, – прям как в Гарри Поттере!

Вдруг я увидел самого себя со стороны, сдающим багаж, как все обычные люди.

– Блин, не как в Гарри Поттере.

Но, вау! Было в этом нечто невероятно особенное, что-то делать и находиться в другой точке, откуда смотришь на себя же – одновременно. Теперь я ощущал себя все больше наблюдающим. Я увидел только что озвученные мысли прямо над моей головой и еще кучу всяких размышлений. Они выглядели как дерганные сурикаты, среди которых были и позитивные, и негативные, но все же в целом это были какие-то нервные пираньи, что-то клюющие из пространства над моей макушкой. Там же я лицезрел нечто, что можно описать как плотный конгломерат из вороха бесконечно бегущих строк, которые забежали через макушку в голову сверху вниз, словно через воронку, и не просто забежали, а часть из них я ещё и дословно тут же озвучивал, трепя сотруднице аэропорта нехилую часть из того, что загружалось в черепушку, слово в слово.

– Так вот оно откуда крылатое выражение «нести все, что приходит в голову», – догадался я, увидев сие явление буквально предметно.

- Вы будете сдавать багаж или нет? – с натяжной терпеливостью, спрашивала сотрудница.
- А можно? – спрашивал тот я.
- Это – нельзя! – отвечала она.

Я наблюдал, как в формировании последующих реплик меня того, что сдавал багаж, участвовали бегущие строки, которые образовывались в пространстве над головой сразу же вслед за прозвучавшим вопросом. И все это время в голове и над головой плясали те штуковины, которые я обозначил как дерганные мысли. Описать это явление понятным языком более точно не представлялось возможным.

- Может быть можно что-то придумать? – настаивал тот я.
- Нет, – резко отвечала она.

Тут же увидел бегущую строку с цифрами, загружаемую в голову, и в этот момент тот я достал портмоне и положил тоненькую пачку пятидесятирублевых прямо на стойку. Это было весьма неожиданно. Хотя, пусть и в сновидении, но это же все-таки российский аэропорт.

Сотрудница оглянулась по сторонам и со вздохом взяла деньги. Других сотрудников-то как бы и не было.

- Никому об этом не говорите, – промолвила она.
- Конечно, конечно, – с шармом ответил тот я.

А дальше произошло то, что я никогда не забуду.

Тот я обеими руками обхватил пространство над головой, которое тут же приобрело конкретные границы в виде черных тоненьких линий, очерчивая объемный прямоугольник. И вот эту всю хренотень я буквально снял и положил на полосу для багажа, представляете?

Сотрудница нажала на кнопочку, и эта коробочка с бегущими строками, бешеными мыслями и воронкой поехала, судя по всему, на рейс. Тот я уже было отправился дальше, как вдруг:

- Минуточку! – закричала сотрудница.
- Минуточку... Остальные сотрудники же досмотрят и могут не пустить, – сказала она мне тому.

Я увидел еще одну пятидесятирублевую купюру, которую рука меня того разместила прямо в кармашек на ее груди. Она щелкнула пальцами, и черная коробочка на ленте, сверкнув ярким серебристым свечением, стала практически невидимой. Во дела.

Ну это кибздец. Я, получается, буквально зарегистрировал свой внутренний диалог.

Снова раздался гудящий звук, который постоянно действует на нервы в аэропорту, к тому же еще и в слоу-режиме. Я стал различать какой-то супер замедленный голос в низкой тональности.

- Эээммм... Ааааа... Лллл...

Вдруг все резко убыстрилось.

– Эм, але! Ал, алльо-о-о-о! – надрывался олень, тыкая мне копытом в сновидческое плечо.

- Что такое? – спросил я.

– Ты заснул во сне, что ли? – поинтересовался он озабоченным голосом.

– Да нет, я там. То есть, тут, наверное. Что ты там говорил?

– Я говорю, просто скажи всем, кого желаешь пригласить, что они приглашены на Представление. Это и будет билетами!

– А если они не захотят или не поверят в это? – тут же спросил я, не успев еще даже толком осознать сказанное.

– Хаааааа, – вновь конкретно дыхнул на меня олень так, что все мои сновидческие внутренности пробрало, словно зубной заморозкой, и я вдруг со стороны увидел, как тело мое наполнялось кристально-белым светом, начиная с головы, который выгонял наружу бегущие строки. Последним, что я запомнил в этом сне, была пачка порошка с дурацким лицом из рекламы, говорящая: «Миф! Морозная свежесть!»

ЕЛЕНА

В одном из своих путешествий я познакомился с Еленой, общение с которой настолько заворожило, что я не возвращался в свой мир несколько месяцев, а сам мир мой, при этом, не возвратился в меня уже больше никогда. Конечно, можно поставить под сомнение не только реальность самого факта общения, но и подобные путешествия. Впрочем, усомниться можно и в реальности пальцев, которыми Вы держите то, в чем читаете эти строки.

Так вот, Елена напоминала настоящего сказочного персонажа. Она оперировала невероятно красивыми и переливающимися изречениями наидобрейшим, а чаще – озорным, детским и веселым голосом, и постоянно мыла посуду.

– Я наслаждаюсь ощущениями от прикосновения воды, размеренных движений и гладких поверхностей тарелок, – пояснила волшебница в ответ на мой вопрос, почему она занимается столь рутинной деятельностью множество раз в её каждый, как мне тогда казалось, очень странный день.

– И какой же в этом смысл? – поинтересовался я, стараясь незаметно избавиться от только что вытасченной козявки.

– Ох уж эти юные годы! – рассмеялась мирная ведьма. – Я не поверю, что в других мирах ты не слышал о том, что главное – не цель, а процесс и, в первую очередь, удовольствие от процесса!

Должно быть моя физиономия выражала искреннее недоумение вперемешку с чем-то глупым, ведь расхохоталась она, глядя непосредственно на неё.

– Вот ты получал удовольствие, когда доставал козявку? – спросила она, еле сдерживая хохот, заметив появившиеся нотки тревоги на моем лице. – Нет, потому что твое внимание было в уме, и ты думал о своем вопросе. А я не достаю козявки и даже не сижу в телефоне, когда мою свои любимые тарелки.

– Конечно, слышал, – голосом грустного малыша выдал я, – но мой внутренний диалог не останавливается по причине глубинных подсознательных и очень вредных программ.

– Прямо вредных?

– Да.

– Очень-очень вредных?

– Да!!! – разозлился я и чуть было не издал непристойный звук.

– Светлый, милый мальчик, не стоит делать того, чего ты не хочешь, слушай свою прекрасную душу. А я пошла мыть посуду. Я не могу провести и дня без наслаждения от прикосновения к различным поверхностям под струей текущей воды.

– Да какой же я светлый и милый?! – кричал я обиженно ей в след, но Елена уже скрылась в своем замке.

Покидая владения волшебницы, я слышал лишь доносящийся звон, очевидно – от методично моющихся тарелок. (Или я уже точно знал, что это был за звук).

– Да что же это такое? – подумал я, снова оказавшись наедине со своим внутренним драконологом.

– Ну что, пострадаем? – спросил Черный, с ухмылкой туша чинарик. – У Ленки тарелки, а у тебя на ужин – чувство вины!

– Нет, я не хочу чувство вины! – рассердился я и изо всех сил постарался побороть негатив позитивными мыслями.

– Пострадаем?! – поднял голос Черный, становясь будто мощнее.

– Нет, я сказал!!!

Вдруг Черный словно разросся в масштабах из летучей мышки до настоящего Бэтмена, и я, будучи уже не в силах тягаться с такой мощью пернатого представителя тьмы, провел оста-

ток дня в страданиях. Черный, то и дело, всячески измывался надо мной, злоредно шекотал нервы и дергал мышцы, будто я кукла или пластилиновая игрушка, а он – обиженное родителями дитё-второгодник в яслях.

БАНАНОВАЯ ЛОВУШКА

Стояла прекрасная погода, восточный бриз обдувал невероятно красивые, почти бирюзовые листья деревьев, и солнце так нежно согревало кожу, что прикемарило даже Черного, когда я снова отправился в поместье Елены.

– Знахарь из мира А мне сказал, что для гармонизации Анахаты мне нужно проявлять заботу о других существах, делать что-то безвозмездно, – заявил я, заходя в светлый мраморный холл обители.

– Прекрасно! Посмотри сколько всего ты уже делаешь хорошего для других, – отметила с доброй улыбкой Хелен.

– Я разве способен делать что-то безвозмездно? Мне кажется, что я состою из сплошного ЧСВ*¹, – удивился я.

– Ты же делился со мной теми ссылками, рецептами, когда я спросила о питании, – терпеливо объясняла Елена

– Самолюбование, – с какой-то гордой горчинкой возразил я.

– Ты же стал поддерживать меня в избавлении от зависимости от волшебного гриба странного буйвола? – настаивала она.

– Самолюбование, – уже нахмутив брови, парировал я.

– Ты же спас кошку, о которой рассказывал, от верной гибели! – не унималась Елена

– Самолюбование!!! – заорал я, уже совсем рассердившись.

– Хотя да, ты же постоянно занимаешься самолюбованием, – резко поменявшись в голосе и интонации, фыркнула Елена.

– Что?! – заорал я,

– Да как она смеет?! – заорал Черный.

Но энергия недоумения вопроса ушла в никуда – Елена уже удалилась мыть посуду. Я осознал расхождение в своем поведении и стал обдумывать его. Почему я гордо настаивал на своем самолюбованием как доводе, споря с Еленой, а когда она согласилась с этим – так сильно возмущился? Я направил все свое пристальное внимание на осмысление этого противоречия, когда вдруг:

– Привет!! – объявился Черный – Как смотришь на то, чтобы отведать тех прекрасных спелых бананов, что растут в саду Елены?

– Хорошая идея! Но, она же не разрешала...

– И что? Она как-то непонятно общается с тобой, прерывает разговоры в самом важном месте, а ты не можешь себе позволить просто съесть бананы, когда голоден? В конце концов, это же просто бананы.

– Возможно. Но я и не хочу особо есть, – добавил я.

– Да и ладно! Зато очень вкусно, еще и сладко! – убеждал меня Черный.

Я не всегда осознавал, что вел диалог именно с Черным. С годами проработок внутренний диалог приобретал все более позитивные тона и уловки, и различить в них Черного иногда можно было лишь спустя какое-то время. Я тогда еще не знал, что далеко не всё осознаю, но об этом позже.

– Идём! – восторженно согласился я.

Отправившись есть бананы, я попал в прекрасный внутренний дворик, где на чудесных деревьях росли бананы такого насыщенного цвета, что даже не припоминаю, чтобы видел подобные в других мирах. Дворик был довольно большим, овальной формы и имел множе-

¹ ЧСВ – чувство собственной важности

ство дверей по периметру. Возле одного из банановых деревьев услужливо стояла деревянная лесенка, на каждой ступеньке которой были выгравированы какие-то непонятные символы.

Поднимаясь за бананами, я засмотрелся на символ, чем-то похожий на две скобки с прямыми углами, как вдруг ощутил подъем энергии в теле, в животе – приятное ощущение полёта и ласковое дуновение ветра. Я уже подумал, что происходит нечто волшебное, но вдруг почувствовал, как вместе с лестницей падаю прочь от заветных бананов в направлении непонятных кустов. На удивление мягко приземлившись, я обнаружил, что упал аккуратно на подушки, разложенные буквально внутри и посреди зарослей кустарников, в которые смачно влетел и, забыв отметить то, насколько мне повезло, стал восхищаться пространством, в котором оказался.

Оно было организовано здесь определенно специально, о чем говорили аккуратно прижатые и местами подвязанные стебли и листья растений, которые окружали овальный кусок земли радиусом около трех метров. Впрочем, в любом случае, разложить подушки сами кусты здесь не могли: ну, по крайней мере мне так казалось – всё-таки видел я уже очень многое и разное. Лучи розового солнца пробивали насквозь и освещали ступеньку, на которую я смотрел перед своим триумфальным падением и, снова засмотревшись на все тот же странный символ, заметил рядом с ним другой, напоминающий букву Х. Воистину неожиданно для самого себя снова ощутил резкий подъем энергии и ощущение то ли наполняющего, то ли обдувающего воздуха.

– Что ж, вот ты и познакомился с ними, – услышал я голос Елены.

– Что? Она уже помыла посуду? – прозвучал вопрос в моей голове, но я тут же подавил эту мысль ввиду её полной неуместности в данной ситуации.

– С кем, с ними? У тебя тут есть кто-то еще? – выбрал я более умный, на свой взгляд, вопрос, пытаясь скрыть чувство неловкости.

– С рунами, – с удовольствием и без всякого осуждения сказала она, проходя меж растений в потайное место. – Это такие маленькие энергетические витаминки, в которых заключена сила стихий, чтобы помочь гармонизировать тело и душу. В каждой руне есть своя особая энергия, способная восстановить связи с мирозданием, очистить от негатива, подарить ощущение безопасности, раскрыть творческий потенциал. А еще руны могут дать совет, как поступить в определенной ситуации и защитить от недоброжелателей.

– А это не какая-то черная магия или что-то такое, за что придется отвечать в не самом приятном смысле? – спросил я, пальцами глядя гравировки на упавшей лестнице.

– Конечно, нет. Руны – инструменты Создателя, – объясняла она, – они не могут навредить и сами выбирают того, кому помогать, когда человек достигает определенной чистоты сознания.

– А что это за место? – поинтересовался я, окидывая взглядом межкустовое пространство.

– Это мое место Силы. Впрочем, все мои владения – место Силы, но здесь особый участок для рунических ритуалов.

– Обратил ли ты внимание на рисунок на полу? – спросила Елена.

– Смотри, – вновь подводя меня к дереву с заветными бананами, она указала на большой рисунок на полу, который я сразу и не заметил. Он напоминал что-то вроде бумеранга. – Это руна Эйваз, она защищает пространство, в данном случае она защитила мои бананы, – смеясь, сказала она.

– Так вот почему я сам незаметно для себя рухнул вместе с лестницей! – восторженно заметил я.

– Именно так, – с улыбкой подтвердила Елена.

– Всё это очень необычно, странно, что я раньше о таком не слышал!

– Как я уже говорила – всему свое время!

Вдруг у меня включился режим бедного ребеночка и я промямлил:

– Елена, я себя очень плохо чувствую последний день, меня тошнит и болит живот, но я точно ничем не отравился. После сна я словно с глубокого похмелья, нет сил и температура.

– Хм, по моим ощущениям твое состояние напоминает отравление низкочастотной энергией, – с элементом еле уловимой чертовщинки, сказала она.

– А мне кажется, это что-то физическое, с каким-то из органов, что можно быстро исцелить, – не сдавался я.

– Известно ли тебе, о чем говорят проблемы с каким-либо органом на уровне психосоматики? – твердо спросила Елена.

– Нет, о чем?

– Ты можешь это выяснить сам, у тебя же столько инструментов и ресурсов для поиска – взять хотя бы телефон, который ты постоянно таскаешь с собой, вертишь в руках, но почему-то почти никогда им не пользуешься. В нем же есть интернет, или как там называется эта штука? – с ехидной улыбкой, спросила она.

– Как умно! – разозлился я. – Но я же здесь, и у тебя есть сила мне помочь!

– Верно, есть. И что?

Тут я окончательно вышел из себя и начал фонтанировать слюнями во все стороны, дребезжа и шипя как жалкий клубок абстрактной ярости. Елена, наблюдая за мной, буквально заливалась диким хохотом и даже случайно сбила полутораметровую вазу, стоявшую подле нее, что не остановило её смех. Комичность всей этой ситуации привлекла мое внимание, и я сам вдруг начал улыбаться, видя, что она смеется без какого-либо издевательства надо мной, а абсолютно искренне и по-доброму.

Я как бы увидел себя со стороны и присоединился к ней, хоть и далеко не с таким темпераментом и надрывом. Она уже почти рыдала от смеха до тех пор, пока в итоге ей не стало душно и она попросила принести воды. К тому моменту я уже совершенно не злился, а даже наоборот – был на подъеме и чувствовал себя даже лучше, чем во многие предыдущие дни вместе взятые и, радостно пританцовывая, побежал за водой, раздавливая по пути осколки вазы.

– Наверное, не стоило наступать на осколки? – виновато спросил я.

– Почему? – удивленно спросила Елена. – Если ты их раздавил – значит стоило.

– Но как же? Ты ведь могла склеить из них вазу, – ныл я.

– А может эта ваза не должна больше здесь стоять? – возразила она. – Сейчас не позволяй уму превратить твою радость в чувство вины, а лучше обрати внимание на вот что: ты заметил как парочка моих провокаций вывела тебя на злость, вследствие чего поднялась твоя энергетика, которую ты потом преобразовал с помощью юмора, и как изменилось всё твое состояние в результате?

– Гм... И правда. И как же это можно применить...

Не успел я сформулировать мысль как тут, словно откуда ни возьмись и почему-то громко кашляя, объявился Черный:

– Дружище, смотри как она занимается самолюбованием! Она явно восхищается тем, как помогла изменить твое состояние и считает это своей заслугой. А ты вроде как решил, что она сильна и свободна от эго. Но если есть самолюбование – есть и чувство собственной важности. Можно ли ей доверять после такого?

– А мне кажется, или ты занимаешься самолюбованием? – приняв все доводы и негативно отреагировав на по-новому увиденное явление, в нервном смехе спросил я у Хелен.

– Мне кажется, ты сначала собирался спросить что-то другое? – нахмутив бровки домиком, спросила она.

– Ответ на мой вопрос, пожалуйста, – настаивал я.

– Это точно твой вопрос? – ехидно улыбаясь, ответила она. – Я люблюсь всем вокруг, но кто тебе сказал, что во мне есть важность?

– Но ты же любовалась собой, когда только что говорила о своих успешных приемах – значит тебе еще есть с чем в себе разбираться, а ты учишь меня! – я вновь начинал злиться.

– Мир зеркало, радость моя. И ты это уже давно прекрасно знаешь. В других мы видим лишь то, что есть в нас самих и бывает, что так, как нам навязывает ум, а не сердце. Ты злишься, потому что я не оправдала твоих ожиданий. Не взмахнула волшебной палочкой и не решила твои проблемы в одночасье. Этого не будет. Всё, что готова дать – это мои любящие глаза. И мой личный опыт. А остальное – сам. И сегодня ты увидел на практике, что можешь сделать со своими состояниями.

– Но это же ты меня рассмешила, в результате чего и поменялось мое состояние, – более-менее успокоившись, парировал я.

– А если подумать? – смеясь, сказала она.

Задумавшись, я поднял взгляд на потолок комнаты и увидел там изображение руны Вуньо.

– Наверное, ты права, благодарю тебя, – начал уверенно говорить я, но Елены уже не было, а где-то издали раздавался привычный звон моющейся посуды, что означало – на сегодня разговор окончен.

ПОТАЙНАЯ КОМНАТА

Невзирая на мои вчерашние осознания, внутри оставался осадок некоторой обиды, который портил мне настроение весь вечер и во время сна. Оказавшись вновь в обители Елены, я гордо начал:

– Я исписал листов двадцать в надежде выписать ту обиду или недоумение, которые накопились у меня вчера, в том числе и на тебя, – присаживаясь на бортик фонтана в ее внутреннем дворике, зажаловался я, – чтоб от них освободиться, но почему-то у меня не получ...

– О, какой молодец! – перебив меня, захлопала в ладоши Елена и начала прыгать, как маленькая девочка, отрывая высоко ноги и закидывая пятки кверху.

Это выглядело так неожиданно и забавно, что я даже растерялся не несколько мгновений и не знал, что сказать. Меня явно начинало медленно наполнять нечто тяжелое, но Елена все так же продолжала скакать и приободряюще выдавать какие-либо реплики. Я сам не заметил, как и в этот раз состояние мое изменилось на совершенно иное – легкое, веселое и будто бы невесомое. Челюсть моя уже давно собиралась отвиснуть, когда Хелен заключила:

– Что ж, думаю ты найдешь способ разобраться с этим, – играючи и все так же припрыгивая, как маленькая веселая девочка, говорила Елена. – Предлагаю тебе быть веселым ручейком, который бежит с горы, прокладывая свой путь к Морю. Что делает ручей, когда на его пути оказывается большой камень? Просто меняет своё направление, огибает препятствие и бежит дальше, собирая все больше воды, постепенно превращаясь в полноводную реку, и несет свои воды в безграничный Океан.

Я уже совершенно утратил нить предыдущего мотива своих речей, когда Елена вдруг совершила очень странный прыжок вокруг своей оси, по которому я каким-то образом понял, что пора менять тему, ибо в этот раз она собиралась познакомить меня с...

– Как прекрасно, что ранее мастера указали тебе верное направление, и ты стал сам понимать, как важно восстановить связь с родом. Теперь в этом поможет руна, с которой ты сегодня познакомишься, – радостно и с теплой улыбкой сказала Елена и указала на одну из доселе незнакомых мне дверей внутреннего дворика, спрятанную за зарослями в межкустовом пространстве.

– Елена, не знал, что у тебя есть потайная комната! – сказал я восторженно, заходя с ней в ту дверь.

Вдруг я услышал что-то вроде возбуждённого чириканья, и из комнаты вылетел какой-то, кажется, попугай, напугав меня, и я чуть не уронил банан, который хомячил. Но мой вопрос кто это, Елена ответила, мол, очевидно, что это кто-то.

– Лучше вообще всегда считать, что мы многого не знаем, потому что это так и есть, – улыбнулась она.

Мы вошли в необыкновенное помещение, в котором отсутствовало освещение, но почему-то всё неплохо было видно. Тем не менее, банан всё же выпал из моих рук. Пространство было круглой формы и в нём находились еще четыре двери.

– В зависимости от времени года и суток, – рассказывала она, – за этими дверьми проявляются разные помещения.

– Елена, я лучше пойду возьму еще один банан, – заявил я.

– Постой. Еще наешься своих желтых приятелей, – сказала она, тормознув меня. – Мы сюда пришли по делу, забыл? К тому же там снаружи теперь бродит неизвестный тебе попугай, туда лучше без меня не ходить.

Это прозвучало убедительно, и мы сообща двинулись в сторону одной из дверей. При приближении я заметил, что на ней был выгравирован рисунок, похожий на что-то вроде ромба на ножках. Дверь открылась сама, и я очень удивился, что вовсе не так сильно впечатлился

от такого явления, как мог бы некоторое время назад, и даже не стал приставать, как назойливая козявка, с расспросами к Елене, а просто прошел в комнату и начал приходить в восторг от того, что наблюдал. Она зашла за мной.

Это была очередная комната стихии Земли. И снова было ощущение, что я зашел не в жилое помещение дома, а в некое природное пространство: оно напоминало небольшую пещерку, площадью метров пятнадцать квадратных, на стенах которой горели факелы, а прямо и по центру в стене выступал особый камень, на котором очень четко и красиво был изображен тот же символ, что и на двери. Он выглядел так, словно всегда являлся частью этого огромного валуна, а не нанесён туда кем-либо.

Я осознал, что ощущаю огромный прилив какой-то мощи и уверенности. Подойдя ближе, под рисунком увидел надпись: «я разрешаю себе быть частью системы».

– А вот это точно написал человек, – подумал я.

– Это руна Отала, – сказала Елена, – она поможет тебе восстановить связь со своим родом.

– Круто, – как-то нервно усмехнулся я. – Но...

– Но-о-о? – подхватила она.

– Но такого не может быть, – вдруг категорично заявил я, ощутив мощный прилив неконтролируемой гордыни и даже некоторой агрессии.

Елена взяла и пустилась в хохот, что разозлило меня еще больше.

– Почему? – спросила она, продолжая смеяться.

– Я где-то читал и так же слышал, что родовые связи, как и нравственность – продукт деятельности чужеродных сущностей, которые пожирают людей. А значит, если руны действительно имеют благие намерения и служат светлomu, то они просто не могут восстанавливать никакие связи с родом, потому что это во вред, – заявил я, как одно слитное слово в потоке эмоций, мной овладевших.

Хелен смотрела на меня выпученными глазами и, казалось, в этот раз уже она на несколько мгновений потеряла дар речи.

– Ты же буквально недавно сам мне поведал о том, что по твоей новой информации восстанавливать эту связь и принятие важно?! – спросила она, но на лице ее в этот раз виднелось абсолютно наигранное недоумение.

Тем не менее, теперь дар речи потерял я.

– И правда, как это выпало из моей головы на какую-то минуту? – должен был теперь прозвучать резонный вопрос в моей же голове, но он не прозвучал. Хоть я и задумался на момент, но все же...

– Все это чушь! – начал топтать я ногами. – Чужеродные создания из глубокого космоса захватили людей и запудрили, промыли всем мозги, а теперь управляют, как хотят!

Хелен попятилась назад, но я еще не понимал почему.

– А кто управляет тобой в данный момент? – искренне улыбнулась Елена.

А я тем временем разозлился еще больше и совершенно вышел из себя.

– Как она может такое предполагать? – навязчиво звучало в моей голове, полностью игнорируя ее крайний вопрос. – Она же должна давно знать, что существуют сущности, о которых ты говоришь. Так что все это постановка под сомнение стадии ее развития и вообще, надежности ее как источника, а это все совершенно меняет дело! – заключил Черный, почесав чем-то типа кулака свой пернатый подбородок тьмы.

Далее, пока я яростно отстаивал свою или не свою позицию, пролетали часы, где мне безудержно мерещилось, будто Хелен занимается самолюбованием и либо хочет принизить мой опыт, который я описывал, дабы возвысить саму себя и свою важность на моем фоне, либо, что того хуже, намекнуть на то, что в моей силе иметь свое непредвзятое мнение, а значит –

быть полностью самостоятельным, отчего мне ужасно хотелось доказывать обратное любыми путями.

Явно понимая, что я вновь впал в позицию невменяемо, Елена пыталась вразумить меня и искренне старалась помочь прийти в чувства. Ей, наверное, следовало бы даже пошлепать меня по щекам минут двадцать, но брызгающие от меня во все стороны слюни доказательств не давали подойти ближе безопасной дистанции ни с севера, ни с запада, ни с юга, ни даже с востока, хоть тот и был её направлением Силы, и Елене оставалось лишь с сочувствием предпринимать какие-то сомнительные попытки утихомирить мои спецэффекты. Теперь понятно было, почему недавно она лишь начинала пятиться назад от меня.

Когда же я, наконец, успокоился, мне понадобились не только вода, чтобы утолить жажду и смочить пересохшую глотку, но и еда, потому что я потратил львиную долю сил... Хотя нет, не львиную – львы бы в принципе не одобрили такого назначения расхода энергии и вообще, конкретно виляли бы хвостами.

Поев, я вдруг пришел в себя и попытался вспомнить, что же это было-то такое. Мне оказалось крайне непросто осознать и обосновать мотивы своего поведения накануне, но в целом я понимал, что в очередной раз надолго потерял контроль в пользу Черного. Вот кто сегодня сожрал бананы моего осознания и скурил папиросы моей энергии. Тот ехидно ухмылялся.

– Нет, ну а что? Не тебе же одному кушать бананы у Ленки в саду, – с наигранно скромным видом сказал Черный, ковыряя пальцем в воображаемой плоской поверхности.

У меня не было сил что-либо ему отвечать, да я бы и не стал, потому что вовсе далеко не всегда осознавал и различал голос темного засранца в те времена. Распрошавшись с Еленой и поблагодарив её за терпение и поддержку, я решил отправиться в отель спать.

Но перед уходом, я все же еще раз подошел к той двери, где была Отала, но теперь увидел там другое изображение. При приближении я ощутил мощь, которая вызывала у меня прилив энтузиазма и ужаса от какой-то силы одновременно. В итоге я отошел. Посмотрев на вторую дверь с другим изображением, я ощутил нарастающее тепло, переходящее в «ух, горяч пирожок!»

Дверь открылась, и я ощутил жар, издали лишь умеренно обжигающий, приятный, но мощный. Чувствовалось, что внутри может быть конкретное пекло. И опять вылетела какая-то птица. Как она не спалила там свои перья? Впрочем, пламени видно не было нигде, и на пернатой заднице в том числе – улетающая, птичий попец не полыхал его языками. (XDDD).

Мне снилось, что я белое и, кажется, пушистое существо, летящее сквозь тоннель, по обеим сторонам которого круглые иллюминаторы. Пролетая мимо них, я наблюдал знакомые лица мастеров и друзей, которые пытались мне сказать и донести что-то очевидное, а я, видя каждого из них в окошках по-очереди, вновь и вновь закрывал глаза и издавал какой-то смешной и нелепый звук.

У меня создавалось впечатление, что все они понимают, что это за звук, и он, как и мой внешний вид, приводит их в недоумение и даже легкое огорчение, а сам я не могу ни услышать его, ни разглядеть свое обличье. В какой-то момент иллюминаторы в тоннеле заканчиваются, за ними следует большое овальное зеркало. Я подлетаю к нему и вижу, что в нём отражается никто иной, как огромная, кудрявая белая овца с большущими глупыми глазами, и тут же вдруг у меня появляется звук, словно кто-то кнопкой с пульта включил громкость: «Бе-е-е-е!»

Я резко проснулся в горячем поту, вскочив так же красиво, как Андрей Миронов упал в «Бриллиантовой руке», только вместо «Черт побери!» заорал еще громче, чем во сне: «БЕ-Е-Е-Е-Е!» и тут же снова проснулся, поняв, что это было сном во сне.

– Да что же это за сны такие... – прорычал я злобно сквозь зубы, утирая пот со лба, в этот раз – холодный.

СТРАННАЯ ПТИЦА

Елена вышла ко мне с попугаем на плече.

– Классный попугай, я бы тоже хотел ходить с таким на плече, – бросил я с улыбкой.

– Так ты и так ходишь, только он у тебя на голове, – сказала она и пустилась в радостный смех.

– Не смешно, – прозвучала мысль в упомянутом объекте.

– Очень даже смешно, – хрипло проорал попугай Елены и тут, то ли Чёрный, то ли мы вместе, от неожиданности не на шутку испугались.

– К... К... Как зовут это белого попугая, это какаду? – с нотками подозрения, спросил я.

– Вообще-то, это белый сокол. Как зовут – не знаю, у него спроси. Неужели ты настолько не разбираешься в птицах? – засмеялась она и сокол – какаду начал сверлить меня взглядом, наклонив голову на левый бок.

– Да мне как-то не по себе у него спрашивать. Странный у тебя какой-то сокол, мастер Е, – настороженно промолвил я.

– Есть такое. Но вообще-то ты уже должен был заметить, что он понимает наш диалог, – сказала она и хихикнула в сторону своего правого плеча.

– Вот, блин. Точно же, – вспыхнула мысль в моей голове и Черный сжался.

«Сейчас, наверное, прилетит осуждение» – в теле отчетливо ощутился резкий укол чувства вины и страха наказания.

– Да, да, я все понимаю. И мысли слышу тоже, – прохрипел сокол, наклонив свою голову уже на правый бок, все так же сверля меня своим взглядом, при этом подняв правую лапку и направив её на меня, как радар дорожного патруля.

У меня закружилась голова, и я потерял какую-либо способность рационально мыслить, немедленно потребовав побольше воды и бананов.

– Сам сходи! – доносилось до меня с эхом уже издалека и будто бы с какой-то злорадной усмешкой. Я потерял сознание.

Очнулся я в межкустовом пространстве Елены, обложенный бананами, рядом стоял графин воды на подставке, на которой была выгравирована руна Наутиз – я называл её палочкой на палочке. Я тут же выпил всю воду и понял, что пока она не усвоится, не смогу съесть бананы, ибо они не влезут. Но мне практически сразу стало гораздо лучше, и я решил, что обойдусь и без них.

– Ну, как дела?! – услышал я знакомый громкий хрип и, обернувшись, снова увидел ту птицу. Я тут же схватил банан и, словно от этого зависела моя жизнь, откусил и начал старательно жевать, даже забыв его почистить. Сокол статично парил, махая крыльями на высоте полутора метров у входа в межкустовое пространство со все так же закинутой набок головой и пронзительным взглядом.

Елена также была у входа и оперативно конфисковала птицу, заботливо относя ее куда-то подальше от сей локации, а издалека доносилось:

– Хватит прикалываться над мальчиком. Будь собраннее, он очень впечатлительный. Лети пока лучше поговори с сурикатами.

Раздался глухой хлопот крыльев, видимо, сокол – какаду улетел общаться с сурикатами, а Елена сразу же вернулась и присела напротив меня.

– Ну что, как ты себя чувствуешь? – как ни в чем ни бывало, спросила она.

– Э.. Ну.. Ну я.. Здесь. Да. Тут... – более менее уверенно начал я. – Я даже не знаю с чего начать, мастер Е. Какаду... Бананы... Сурикаты...

– Понятно, – весело сказала она и достала два камня с рисунками рун Иса и Наутиз, протягивая их мне. – Зажми в кулаках и держи.

Мне тут же стало легче.

– Но, что же сокол делает в таком климатическом поясе, Елена? – придя в себя в какой-то мере, спросил я.

– А пёс его знает. Прилетел и остался, – бросила она, как будто говорила о чем-то само собой разумеющемся.

– У неё тут что, еще и пёс есть? – раздалось в моей голове.

– И это тебе не Гея – нет тут никаких поясов, ни климатических, ни прада, ни гучи, ни по каратэ. Впрочем, кое из кого вышел бы отменный черный пояс, – сказала она, взглянув чуть выше моей головы, и я резко ощутил вспышку раздражения.

– Геи? – удивленно спросил я, разинув рот от удивления и возмущения. – А причем тут геи?

– Ну ты и озорник. Не геи, а Гея! – смеялась Елена. – Так зовется Земля. Все живое на планете, объединенное в один огромный организм, называют Геей – именем древнегреческой богини. А геи также входят в состав этого организма, как и все остальные. Есть и другой распространенный вариант названия – Гайя.

– О, Галя как-то лучше звучит, – успокоился я.

– Так, ладно, а попугай-то, тьфу, этот... сокол! Почему он разговаривает-то? – стонал я.

– Слушай, у твоего ума очень много вопросов! – весело произнесла она. – Вот пойдешь к нему и спроси, мол «а почему же, сокол, ты разговариваешь? Это никак не укладывается в моем уме!» Он, наверное, посмотрит на тебя, как на дурака, и крылом у виска покрутит.

– Во дела... – сказал я интонацией и с выражением лица Милославского из фильма про Ивана Васильевича.

Елена пустилась в хохот, топая ногами и хлопая себя ладонями по ногам.

– Я даже и не знаю, что тогда спросить, мастер Е, – растерянно проныл я.

– Наблюдай, а не спрашивай. Наблюдай за ощущениями в грудном центре и всём теле, как ветерок обдувает кожу, как невероятно проявляют себя птицы и животные, как сокол крутит кончиком крыла у виска. Ой, то есть... Ну, в общем суть ты уловил, – говорила она, явно продолжая веселиться.

Раздражение прошло волной в моей голове и я схватил еще один банан. Елена не могла остановить свой смех, теперь уже наблюдая за тем, как я с обиженной физиономией, немного отвернувшись, второпях и скукожено уничтожаю желтые фрукты один за другим.

– Может, принести тебе побольше бананов? – вскрикнула ведьмочка, уже находясь в фазе истерического смеха со слезами на глазах.

– Кажется, я очень сильно объелся, – жалобно простонал я, – дай, пожалуйста, какую-то руну от объедания.

Елена, кажется, если бы могла, после крайней моей реплики заржала еще сильнее, но у нее уже кончался воздух.

– Такой руны нет. Ты, может, решил, что руны тебе и ногти постричь могут? Ну ты даешь, – переводя дыхание, сказала она.

Это был невероятно непростой отрезок моей жизни из некоторого количества минут. Для Черного сей отрезок явно был еще сложнее. Елена всё это понимала и, наверное, именно поэтому предложила мне остаться спать в межкустовом пространстве, так как мне тяжело было даже ходить, ну а Черный, должно быть, вообще, валялся в нокауте с градусником, щупальцами кверху и пар дымился клубами от шипения его перегретой структуры.

МИСТЕР ТВИКС

Когда я впервые прибыл в обитель Елены, она с порога сообщила:

– Я не пользуюсь телефонами. В моем доме совершенно нет техники.

А потом вручила огромную сумку, похожую на знакомые мне «строительные», набитую по максимуму:

– Вот тебе зимние вещи. В этом мире различные времена года могут происходить одновременно или чередоваться одно за другим, – заявила Елена и захохотала, увидев мою отвисшую челюсть. – Однако, чаще всего здесь лето и жара.

Расстояние от моего отеля к обители волшебницы насчитывало несколько миль и проходило сквозь пустынную местность, в окружении пальм и голубых оттенков гор, которые виднелись на горизонте. Хотя я и обожал ходить по много километров пешком в своем мире, здесь же, в пустыне, на этой жаре я не мог толком пройти и пары вёрст любимым быстрым шагом, не начав задыхаться.

Елена познакомила меня с кучером. Он ощутился мне человеком определенно с необыкновенными навыками и силой, которые, скорее всего, скрывал за своим скромным обликом. Белый цилиндр и фрак того же цвета смотрелись крайне необычно после привычной литературы и кинематографа.

Я представился, и он протянул мне свою руку, пристально глядя загадочными черными глазами в мои:

– Твикс. Мистер Твикс, – бодро и с улыбкой сказал кучер, пожимая мою руку.

– Очень приятно, Мистер Тыкс. Должно быть, Ваше имя означает нечто особенное?

– С чего ты взял, что мое имя должно означать что-то особенное? Просто Твикс, – без капли ложной скромности ответил он и пригласил в бричку.

Его лицо мне показалось очень знакомым.

Забираясь в повозку в волнении и под впечатлением от нового знакомства, поначалу я не заметил того, что в упряжке... слоны. Да, слоны! Три небольших слонёнка возглавляли повозку и, как-то радостно фыркнув, тронулись сразу после того, как мистер Твикс занял свое место.

Он сразу заверил, что с радостью будет доставлять меня до отеля и обратно каждый раз, когда понадобится, и не возьмет никакой платы. Мне стало неудобно, и я спросил, почему он собирается трудиться бесплатно?

– Мне просто нравится приносить людям радость. Когда делаешь так, от сердца и без всяких ожиданий, Вселенная всегда вознаграждает тебя. А когда ты благодарен за это, она вознаграждает тебя еще больше.

– А почему у вас в упряжке слоны? Это очень странно, они же так медленно ходят, – спросил я, пребывая в еще большем волнении.

– Не знаю, – в спокойном выдохе ответил он. – Возможно, именно слоны в нашем мире хотят осуществлять этот труд, и он их радует. Вот они и пришли. Мы не заставляем животных силой.

– Этого зовут Марсом, – сказал кучер, указывая на одного из слонят, – вот этого – Юпитер. А это Сникерс.

– Но, но где же тут логика, мистер Твикс? – возмутился я, они все трое могли бы быть планетами или все шоколадками, а здесь получается, ни то, ни сё!

– Ты меня спрашиваешь? Думаешь, я им имена давал? – эмоционально, с искренним удивлением спросил он. – Они же сами представились. Видать, нравятся им и планеты, и шоколадки. А у Юпитера, вероятно, аллергия.

В этот момент мне действительно показалось, что я услышал протяжное «Агааа» доносящееся спереди, примерно с расстояния, которое отделяло меня и слонят. У меня тут же закружилась голова, и я потянулся за бананом в рюкзак. Откусив пару раз, решился задать вопрос:

– Вы... Вы слышали это? – заикаясь, спросил я.

– Да. А что? – как ни в чем ни бывало, уверенно задал он мне вопрос.

– Ваши слоны что, говорящие? – еле выговаривая слова, произнес я.

– Молодой человек, ну вот правда – хоть стой, хоть падай. Такие очевидные вещи, да еще спрашиваете. Я знал мудрого человека, который учил никогда не задавать вопросов, ответы на которые не так уж и сложно узнать самому, чтобы не тратить зря чужое время.

До меня дошло, что для мистера Твикса сие явление действительно было само собой разумеющимся, и, хоть мне и невероятно сильно хотелось приставать с расспросами дальше, я постарался сохранить молчание, доедая свой банан. Какие только мысли и образы ни крутились в голове моей следующие несколько минут. Не имея иных вариантов и стыдясь снова задавать вопрос по неочевидной для меня, но очевидной для кучера теме, я, наконец, нашел как еще поддержать разговор:

– Минутку! – восторженно вскрикнул я, – Так Вы, выходит, тоже любитель шоколадок, мистер Твикс?

Он молча кивнул и сказал:

– Да, но мы не едим те шоколадки, которыми называемся – в них множество сахара, разрушающего нервную систему и всячески вредных элементов, – ответил он, словно спиной ощущая мое очередное недоумение, чем усиливал его еще больше.

– Мы лакомимся шоколадом с качественными сахарозаменителями, который поставляют с Земли добрые люди, и в небольших количествах. А Юпитер, скорее всего, как раз столкнулся с последствиями обжорства каким-нибудь баунти, – сказал мистер Твикс.

– Но, но почему же вы тогда взяли такое имя и вообще, разве не матери называют детей у людей, мистер Твикс? – закрывая отвисший рот только для сопряжения языка с зубами и небом, очередной вопрос проговорил я.

– Имена такие взяли, потому что нам нравится, как они звучат и вызывают приятные ассоциации из детского возраста – времён уничтожения различного шоколада без всякого разбору и беззаботной радости, – заявил он интеллигентным голосом.

– Что же касается имен, которые дают людям, а кто тебе сказал, что я человек? – спросил он и захохотал, при этом мне показалось, что слонята тоже развеселились.

Хорошо, что в этот момент мы уже подъезжали к пункту назначения, потому что теперь мне точно требовалась прохладная вода, под которой я долго стоял, придя домой после того, как распрощался с кучером на сегодня.

На следующий день я пережил минутное потрясение, когда в окно, открытое мной перед сном по причине ужасной духоты, ринул леденящий ветер и разбудил меня. Придя в себя, я осознал, что пора доставать зимние вещи.

Вскочив как ужаленный елот и резко закрыв окно, я был вынужден сразу же приступить к гиперактивной зарядке, чтобы согреться, а затем около часа успокаивать рассудок, который в результате произошедшего чем-то напоминал пружинку – детскую игрушку.

На пути к Елене я был поражен и восхищен до глубины души – так необычно и чудесно наблюдать пальмы, стоящие посреди заснеженной равнины. Побеленные вершины гор выглядели куда более привычно, что не отменяло завораживающей красоты всего этого пейзажа. В какой-то момент моя рука потянулась к лицу, дабы прикрыть челюсть, отвисшую от удивления.

– А слонам не холодно, мистер Твикс? – поинтересовался я.

– Им вполне комфортно. Если бы было холодно, они бы мне сказали, – заверил меня он.

– Ах, да, точно... – в смеси нервного удивления и восторга, где больше было первого, проговорил я, хоть уже и был ознакомлен с фактом разговаривающих обладателей хоботов.

– И что же, вопросов больше не имею? – спросил Твикс.

Я несколько растерялся.

– Вы имеете в виду, не имею ли я каких либо еще вопросов? – уточнил я.

– Нет, я имел ввиду именно то, что имею я, – ответил он.

– Так это же лишь я должен иметь какие либо вопросы, мне кажется, – начал возмущаться я.

– Разве? – резво оспорил кучер.

– А как же еще? – риторически проямлив, сам невольно задумался о том, а с какой это стати мне взбрело в голову, что вопросы иметь могу только я, как и получать ответы.

Начавшись с очень трезвой и уместной конструктивной ноты, мои последующие размышления, хитрющим образом переходя во что-то гораздо менее здоровое, незаметно изменили прекрасное состояние, и я начал терять недавно установленную шелковую нить связи с красотой мира сего, укрепляя тем самым ржавую проволочку с грязнотой ума не сего, постепенно впадая в позицию похотливого мастурбирующего ума.

Вдруг мои размышления прервал громкий звук, исходящий из какого-то отверстия одного из слонов. Громкость была такая, что даже отрешенный кучер подскочил от удивления, а я так вообще – чуть не вывалился из брички. Это очень своевременно выдернуло меня из трясины, в которую стало затягивать. Тем не менее, я отметил и даже, кажется, запомнил свое изначальное замечание про то, что вовсе не являюсь центром Вселенной, как бы это ни было неприятно.

– Так что, это лишь Вы должны иметь какие-либо вопросы? – вернул кучер диалог.

– Нет, это не только лишь я должен иметь какие-либо вопросы. Их может иметь кто угодно, – напоминая сам себе Кличко, ответил я голосом таким, будто стоял у доски на уроке математики и совершенно при этом не включая ум с его расспросами на тему того, с чего вдруг кучер вообще развил об этом диалог ранее. Как говорится: сегодня в завтрашний день не все могут смотреть...

Кучер, в прямом смысле, вынес мне мозг. Хоть к таким вещам я уже и начинал потихоньку привыкать, однако нельзя сказать, что то самое в нас, что к чему-либо привыкает, может привыкнуть к выносу самого себя.

В процессе моих размышлений один из слонят издал очередной звук. На этот раз – тихий. Мистер Твикс довольно улыбнулся. И я, как ни странно, не задался в тот момент вопросом, как я узнал об этом, когда он сидел ко мне спиной – я просто знал, что он улыбнулся.

ВРЕДНЮЩАЯ ДВЕРЬ

В этот раз по прибытии к Елене все было не так, как обычно. Без всякого предисловия она молча взяла меня за шкирятник и куда-то потащила. Мне показалось это довольно долгим путешествием в неприятном недоумении и мой ум уже начинал возвращаться на круги своя после диалога с Твиксом. Я хотел было начать истерить, но ведьма уже, видимо, притащила меня, куда хотела – на кухню.

– Вот они, – сказала она, указывая на тарелки в раковине.

– Эм... О'кей, – сказал я, – ты решила показать мне свои тарелки?

– Мой, – приложив палец к моим губам, повелительно сказала она, в ее глазах при этом сияла привычная доброта.

Я хотел было начать как-либо выказывать, но в тот же миг доброта в ее глазах сменилась на нечто такое, что описать не смогу, но сразу же решил, что, конечно же, буду мыть тарелки, почему бы и нет.

Через минут десять я перемыл всю посуду в раковине и уже было собрался выходить во внутренний дворик к своим бананам, когда откуда ни возьмись вылетел сокол и буквально подрезал меня, пролетая перед лицом так, что я, отпрянув, врезался в опорный столб и плюхнулся на пол на задницу. Списав это на свою неуклюжесть, я поднялся и собрался продолжить намеченный двадцатиметровый поход, но увидел сокола, вылетевшего из противоположного конца внутреннего дворика и в этот раз летящего на меня прямо как какой-то пернатый конкорд или ракета. Очевидно, он держал целью мою голову.

Тут я понял, что дело непростое, и что было мочи дал деру обратно на кухню, пару раз оглядываясь и наблюдая приближающегося сокола – периный засранец летал быстрее, чем я бегаю. Вбежав на кухню, я кое-как успел закрыть массивную, двух с хреном метровую огромную дверь, и сокол должен был буквально вот-вот смачно вонзиться клювом в деревянный массив. Но никакого звука не последовало, вообще никакого – он будто исчез там, за дверью, а то и вовсе – его словно не было.

Я туда-сюда расхаживал по кухне, размышляя о произошедшем, когда заметил, что вся посуда, которую помыл, вновь оказалась в раковине. Причем, она не была грязной или какой-то не такой: она была в абсолютно вымытом виде, но свалена кучей в квадратную емкость под краном.

– Гы, – как-то нервненько гыкнул я.

Через пару мгновений мне захотелось со всех ног побежать к Елене и доложить о произошедшем, мол, что же это такое делается-то. Именно это я и сделал, только вот дверь с кухни теперь почему-то не открывалась. Я дернул раз, дернул два. Постоял, посмотрел, да дернул еще раз изо всех сил так, что должен был оторвать ручку, если б она не открылась. Но ни дверь не открылась, ни ручка не оторвалась, зато вот я точно то ли потянул что-то в руке, то ли того хуже.

– Ай! – айкнул я.

Я кричал, звал Елену, но никто не отвечал – вообще было ощущение, что я один дома. Только не как Макалей Калкин, а запертый в одной из комнат. Очень долго я сидел и обижался на произошедшее, в своих обидах даже забывая раздумывать о том, что все это гораздо более чем странно, и логически разбирать сие.

Уже вечерело, а я все не мог придумать, чем себя занять и что вообще делать. В итоге по какому-то импульсу я будто бы машинально направился к раковине и стал мыть тарелки. В этот раз это был несколько более осознанный процесс, чем предыдущий, когда я делал то же самое по конкретному поручению. Плюс ко всему, тарелки уже были чистыми, что делало сей процесс совершенно неординарным и несколько бессмысленным с точки зрения того, что

называют здоровой логикой. Мыслемешалка то отходила на какой-то иной фон, то возвращалась, и я то погружался в процесс и наслаждался им, то выпадал в ментальное теребилово.

И вот, я домыл всю чистую посуду, она стала такой же чистой, какой и была. Я удовлетворенно вздохнул и услышал, что открывается дверь. Ее никто не открывал – она открывалась сама. Едва дверь приоткрылась, я радостно подбежал к ней, а она тут же закрылась. Я непонимающе пялился на нее. Дверь вновь быстро приоткрылась и тут же захлопнулась. Затем снова. Я хотел поймать ее, но когда это удалось, то на захлопывании прилетел мордой в массив, пытаюсь удержаться за ручку – было ощущение, что она тяжелее, чем я сам, раз в двадцать.

– Ай! – снова айкнул я.

И тут же у меня случилось что-то вроде дежавю, в котором я увидел полное сходство того, что происходило с дверью, с тем, что творилось с моим вниманием и осознанием, когда в крайний раз мыл посуду. Решив вернуться к раковине, я снова обнаружил там всю гору чистой посуды.

Это было, пожалуй, более чем прозрачным намеком и я, уже не размышляя, принялся мыть посуду с огромным удовольствием. Несмотря на то, что мой ум уже был вымотан событиями дня, какая-то иная часть придавала сил и толкала процесс. Я даже потерял какое-либо восприятие линейного времени – так в этот раз погрузился в мытье тарелок, ощущая пузырящуюся водичку на пальцах рук, коже, которой ощущал огромный спектр неприятнейших ощущений от соприкосновений с тарелками, губками и прочими хозяйственными великолепностями.

Все органы восприятия работали, как никогда, и я бы даже сказал, что впервые жизни по настоящему мыл посуду = мыл посуду. Когда закончил, меня переполняло ощущение благодарности. В голове не было никаких мыслей, и я даже забыл про то, ради чего собирался делать все это. Закрыв шкафчик с чистыми тарелками, я потянулся и посмотрел в сторону двери – она была открыта, и даже не пререкалась и не безобразничала. Осторожно озираясь на новую деревянную прямоугольную подругу, я аккуратно вышел из комнаты и уже во внутреннем дворике обнаружил, что давно наступил вечер. У ворот ожидал мистер Твикса, который и отвез меня до отеля, где я свалился на кровать и очень сладко, крепко спал всю ночь.

Чего нельзя сказать о следующем утре, когда я, вопреки всяким закономерностям, проснулся с бешеной мыслемешалкой в голове: ведь, как правило, если засыпаешь в состоянии спокойствия и прекрасного расположения духа – также и просыпаешься. Но этот раз был особого рода исключением и до обеда, и даже позже, я сам не понимал что со мной происходит, расхаживая из угла в угол по номеру.

К Елене я выехал лишь на закате, ибо Черный весь день нагло пытался отговорить меня от поездки, несмотря на давно уже очевидную тщетность подобных попыток. Как малое дитя дергает взрослого за рукав, чтобы ему купили мороженное, так и Черный то и дело дергал меня за сознание едкими мыслями и эмоциями, и я, не особенно разотождествляясь с сим представителем тьмы, то отнекивался, то вторил ему «отстань», после чего тот приставал еще сильнее, как настоящая вредина. Одним словом, индальгировал – растрачивал энергию не оптимальным образом в каком-то дерганом состоянии, каким-то образом забыв даже о еде.

Вот уже и вечер, закат, небо в сливочно-синих и розовых тонах приворожило взгляд так, что Черный и сам, видимо, несколько растворился в этом визуальном природном пудинге, и мысленный поток притух почти так же, как в тот день, когда я пребывал в шоке от прихода зимы в пустыню.

– Лепота, – подумал я, выезжая на знакомую дорогу, ведущую к дому Елены через летнюю пустыню, наблюдая по сторонам красивейшие пейзажи из горных массивов на горизонте и редких пальм, контрастирующих с белыми песками и этим волшебным небом.

Воздух казался чище и свежее, чем когда-либо раньше, хотя, скорее всего, дело было лишь в том, что за счет смещения фокуса внимания с мыслемешалки на визуальное наслажде-

ние, приостановился мой внутренний диалог, уступая место чистому восприятию глубоких тонов и насыщенных красок всеми органами чувств. Я буквально наслаждался каждым вдохом, жадно забирая ноздрями и, как никогда, осознавал простой и глубокий смысл фразы «просто дыши» – совета мудрецов, известного в кругах духовного развития.

Когда бричка подъехала к дому Елены, меня охватила жажда бананов, и, разумеется, я тут же их запросил, едва поздоровавшись с ней.

– Можно, пожалуйста, твоих бананов, и побольше? – простонал я

Елена любезно принесла целую корзину с бананами, финиками и виноградом, которые выглядели как в дорогой рекламе, и я тут же словно бросился в миссию по уничтожению фруктов, наслаждаясь и, в итоге, в очередной раз объевшись.

Несмотря на то, что переел лишь фруктов, я отметил, как мое легкое состояние и чистота восприятия изменились. и сразу же вспомнил слова одного из мастеров о том, что еда забирает очень много энергии, и даже если ты ешь такую прекрасную еду, как фрукты, нужно предельно внимательно относиться как к количеству съеденного, так и к тщательному пережевыванию.

Сие осознание закрепило следующим за ним пониманием, что моему недавнему чудесному восприятию предшествовал целый день голодания – это и явилось причиной для более вероятной возможности войти в столь прекрасное состояние. Но что-то внутри иногда щелкает и ты словно делаешь все, чтобы вернуться к страданиям. Не отдавая себе отчет в том, что творю, я жадно напихал бананов в свой рюкзак до отказа и уехал.

ПЕРНАТЫЙ ПЕРЕПОЛОХ

Вернувшись в отель, я обнаружил, что у рюкзака порвались швы и разошлась молния, однако бананы не пострадали, и это было самым главным. Но всё же в итоге я начал расстраиваться из-за молнии, в чем любезно помогал Черный.

– Как это не важно? Еще как важно. Это же, блин, молния! Где ты тут будешь ее ремонтировать? Да и денег это стоит. Мелочь, но все равно неприятно. Вот я так и знал! Бестолочь!

Чем дольше слушал я сии убедительные доводы в голове, тем больше заморачивался и погружался в уныние.

– Может, винца? – воспринял я мысль в своей голове.

– Сейчас важный период осознаний, к тому же я уже давно не пил алкоголь, мне нельзя понижать вибрации, – возразил я.

– Ты прав. Но иногда можно, к тому же здесь наверняка имеется очень вкусное вино, которого ты еще не пробовал.

– Ну, не знаю. Как-то неприятно прерывать такую длительную чистую линию. К тому же, завтра настроение может стать хуже, – продолжал я ломаться.

– А сейчас какое у тебя настроение? Представь, как вкус вина и закуски из разнообразных сыров поднимет тебе настроение, заодно и отвлечешься, – продолжал псевдо-пернатый представитель тьмы.

– Каких сыров? Я же давно веган, – возмутился я.

– Так у них наверняка есть веганские сыры. Ты только посмотри в меню, – пронеслась сладкая мысль.

Схватив предмет, который я практически и не трогал в своем номере отеля – меню, я пролистал до раздела закусок. К моему великому удивлению, там и правда были веганские сыры в нарезке, чего нельзя сказать об ассортименте блюд известных ранее мне отелей. У меня потекли слюни. Я пролистал до страниц с вином и погрузился в изучение, внимательно рассматривая красивое оформление фона под строчками с названиями и ценами, где были изображены бутылки, бочки, виноград и добрый старик, по всей видимости, винодел.

– Звони! – услышал я команду в голове.

Я в тот же миг схватил трубку и заказал бутылку красного сухого вина, тарелку с сырами и салат.

– Бери две! Вдруг будет мало. Чтобы потом снова не заказывать! – прозвучала мысль, и я ощутил некоторую жадность и страх нехватки.

Еще не повесив трубку, я извинился перед сотрудником и попросил удвоить каждую позицию, подумав, что и порции еды на заказ, как правило, весьма скромные, а сухое вино замечательно повышает аппетит.

– Вы уверены? – тактичным, но уверенным тоном уточнил у меня сотрудник отеля, посеяв некоторое сомнение.

«Да» – молниеносно прозвучало в моей голове.

– Да! – тут же ответил я без тени сомнения.

Вскоре раздался вежливый стук в дверь, и я впустил в номер очень приятного официанта, производившего впечатление человека весьма аккуратного и щепетильного, судя по его тщательно уложенным волосам, ухоженным ногтям и какому-то ощущению, которое я бы тогда еще не решился назвать своей интуицией.

Он элегантно стал выгружать заказ на круглый столик моего номера. Официант спросил, открыть ли мне обе бутылки и, получив согласие, откупорил одну. Вдруг вторая бутылка треснула сразу после того, как была поставлена, что не на шутку удивило и меня, и официанта.

– Прошу прощения, такое впервые, – даже растеряв часть своей, казалось, несокрушимой уверенности, извинялся официант. – Мы непременно вычтем стоимость этой бутылки из счета, который Вы будете оплачивать при выезде.

– Ничего страшного, – поспешил успокоить я официанта, испытывая неловкость, – можно просто повторить это вино.

– Конечно, я сейчас вернусь, – сказал официант и поспешно удалился.

Спустя несколько минут зазвонил телефон, я поднял трубку.

– Приносим свои извинения, но всё вино в ассортименте закончилось, – извинялся теперь уже сотрудник отеля. – Можем ли мы сделать что-то еще для Вас?

– Нет, спасибо. До свидания, – ответил я расстроенным тоном.

И мне пришлось довольствоваться тем, что есть. В полную меру насладившись единственной бутылкой вина, сыром и салатом Черный, довольный как слон, лег спать. Ой... конечно же, я лег спать. Черный же в принципе, скорее не спит, ведь разбудил меня через несколько часов именно он.

– Ну и что же?! – закричал голос в моей голове. – Ты зачем вчера пил вино? Посмотри на восприятие, на ощущения. Это же омерзительно.

«Вот, блин, что же я наделал, знал же, что не нужно» – подумал я, обратив внимание на давно уже забытые ощущения окислившегося организма и раздраженного состояния психики с пикантным десертом в виде привкуса во рту и легкой тошноты.

– Ты и правда знал, что не нужно. Но все равно сделал. И это теперь не исправить, – продолжал Черный.

Не воспринимая в туманном и мутном сознании в этот раз уж точно ничего, кроме навязчивых мыслей, я стал сильно сожалеть о содеянном и позволил самогрызению разрастись.

– Тыыыы и прааавда знаааал, ты и праааавда знал... ноооо всё равнооо, нооо всё равнооо, но всёравнооо бухааааааал, – напевал Черный, явно ощущая себя самолюбующимся злорадным чертом, издевающимся над жертвой в самых развращенных вариациях.

Мне уже не хотелось жить – настолько невыносимы были мысли, которые пробудили меня, не давали спать и даже спокойно дышать. Вдруг зазвонил телефон.

– Не бери! Не бери! Вдруг там дикие снегири! – зачитывал уже рэп Черный, явно навеселе, обнюхавшись энергией.

Я решил, что это уже слишком и, не став более слушать этот бред, снял трубку.

«А ведь почти снегири! Но... лишь сокола», – прозвучала весело мысль, когда я услышал голос Елены в трубке.

– Доброго времени! Сейчас же срочно собирайся и приезжай ко мне, Твикс уже ждет тебя возле входа в отель. Мне нужна твоя помощь, – спешно проговорила Елена, и раздались короткие гудки.

Я быстро вскочил, стал собирать свои манатки и намыливаться в дорогу, предварительно удостоверившись, что за окном лето. Я отметил, что неожиданность ситуации и резкий импульс к действию наполнили энергией и куда-то вышибли внутренний диалог, в результате чего веселящийся Черный скоростно выветрился на время всего мероприятия – я действовал быстро, но без суеты.

Обменявшись приветствиями с мистером Твиксом, я устроился в повозке. Мы уже тронулись с места и я расслабился, когда заметил очередное приближение атаки навязчивых мыслей самобичевания, как вдруг...

– Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла, эм... Что?! – заорал вдруг мистер Твикс так громко и неожиданно, что я подскочил и даже на всякий случай подстраховал себя руками, чтобы не вылететь нафиг из брички, не учитывая то, что это практически невозможно из положения, в котором я сидел.

– Кларнет, – в результате испуга ощущая стук своего сердца, ответил я.

– Правильно! – заорал он еще громче. – Или неправильно?! Ты точно уверен?

– Да, – тяжело дыша и в полном замешательстве, сказал я.

– Хорошо! Теперь спроси у Юпитера – уверен ли он? – настаивал кучер.

– Что? – в нервном смешке спросил я, одновременно испытывая чувство неловкости и забыв про местные слонячьи невероятности.

– Что, что! Там, впереди, вообще-то три слона. И они умеют говорить, эм... Иногда. Как ты уже знаешь. Так почему бы не спросить у того из них, кто меньше всех ест сладкое и, возможно, больше скучает из – за этого в дороге, что-то такое, в чем нужен совет, развеселив его?

В моей голове абсолютно не стало мыслей, они напрочь отсутствовали, видимо, ввиду некоторого шока от полной несуразности происходящего для моего ума, в связи с чем Элвис покинул здание.

– Юпитер, – отчасти неловко, отчасти решительно, как-то дёргано полупрокричал я, – как ты считаешь... Эм, мистер Твикс, каким был вопрос?

– Является ли кларнет предметом, украденным Кларой у Карла! – уверенно, бодро и весело декларировал кучер.

– Кларнет – предмет Клара у Карла украла? – нервно, но верно, выговаривая слова как пьяница или еще кто похлеще, продолжил я свое обращение к хоботатому, сожалея, что ему пришлось исключить шоколад из рациона.

Вдруг раздался трубящий звук, во много раз громче чем любые предыдущие неожиданности и, самое главное, после пары секунд утвердительного звука из хобота Юпитера, он на этом не остановился и продолжил трубить какую-то весёлую и смешную мелодию, как настоящий джазист.

Мне стало так смешно, что вскоре я уже не мог сдерживать слёз в истерическом приступе хохота, который длился несколько минут и мне в голову даже мысли не приходило спросить, почему же говорящий слон не ответил словами и что вообще тут происходит? Я ощущал полное отсутствие важности происходящего и самого себя, невероятную легкость и невесомость, словно парил, забыв обо всех своих сожалениях и заморочках, мучивших меня совсем недавно.

– Ну как тебе, получше? – спросил меня кучер.

– Да, гораздо лучше! – ответил я, даже не став размышлять с чего вдруг он задал мне такой вопрос и откуда вообще мистер Твикс мог знать, что мне было плохо.

Я стал любоваться пейзажами. С одной стороны небо было тёмно-синим с оранжевого оттенка облаками и, плавно переходя с розового оттенка в пастельно-голубые тона тёмно-серыми гущами, которые подкрашивало вскоре ожидаемое к восходу солнце, проистекало невероятной красотой в другую сторону.

– Смотри, лучше больше не балуйся! – сказал мистер Твикс мне вслед, когда я уже отдалялся, распрощавшись с ним по прибытию к обители Елены.

После этой его реплики, видимо, в моей голове уже не мог не возникнуть вышеупомянутый вопрос и, шагая к Елене, я начал пытаться размышлять об этом. «Откуда Твикс мог знать, что я чем-то баловался? Елена рассказала ему? Но откуда могла знать она?» – возникли вопросы в моей голове. «Кстати, впрочем... Я ведь и правда зря пил вино. Ведь я мог и не делать этого...» – начали закручиваться мысли в моей голове, но внезапно мой мыслительный процесс был прерван вновь... я увидел клоуна.

Сначала, вспомнив все жуткие истории из кинематографа про клоунов, я действительно не на шутку испугался. Затем, осознав, что нахожусь уже во владениях Елены, которые защищены покруче, чем всякие там дома на Рублёвке, я успокоился и решил, что это гость Елены. «Но что он делает в костюме клоуна?» – где-то уже совсем далеко прозвучала вопрошающая мысль, когда вдруг услышал знакомый голос волшебницы, раздающийся из-под рта, расположенного под красным круглым бумбончиком клоуна. Внутренний диалог вновь отсутствовал.

– Сокол, – сказала она, уже еле дыша, обращаясь к птице, – принеси – ка воды.

Сокол фирменно наклонил голову набок, в этот раз в модной позе глядя уже на Елену, а не на меня и уже даже начал поднимать крыло к голове, видимо, чтобы в этот раз действительно покрутить его кончиком у виска. Я насторожился и начал тревожиться, что он и правда сделает это, и мне вновь станет плохо.

– Шучу, шучу, – переводя дыхание, поспешно сказала она соколу, еще до того, как он мог снова повергнуть меня в шок.

– У меня есть вода, – сказала она радостно и достала голубую стеклянную бутылку с водой из-за пня, с которого недавно рухнула.

– Всё, теперь серьёзно, – нахмурившись, провозгласила Елена и уставилась на меня.

– Ну что, готов соображать?

– Дай мне, пожалуйста, тоже воды, – сказал я, – те пару литров, что у меня тут стояли в графине, когда очнулся, я уже осушил.

– Готов, – сказал я после того как жадно выпил любезно поданную мне новую бутылку воды.

Сокол продолжал смотреть на меня, сохраняя и позицию, и позу с наклоном головы.

– Ну, так рассказывай, – сказала мастер Е и как-то хитро улыбнулась.

– Может, сначала всё же про клоунский нос? И вообще, откуда ты... – не унимался я, но по её выражению лица мне сразу стало понятно, что это придется отложить на потом.

– Что рассказывать? То что было вчера? Я приехал в отель и решил выпить вина, – начал я.

– Просто решил выпить вина? – ехидно спросила она.

– Ну, не просто, – мне захотелось расслабиться, – виновато сказал я, косясь на сокола.

– Мне казалось, ты уехал от меня очень даже расслабленный, довольный, и даже сытый, – заявила Елена.

– Да, но у меня порвался рюкзак из – за бананов, и я очень расстроился, – грустно проговорил я.

– Я так и знала, что нейтрализация бананов тебе может немного аукнуться, – сказала волшебница, хохоча. – Что же было дальше?

– Я захотел поднять настроение по-итальянски и заодно попробовать местное вино, – продолжил я. – И потом мне стало невыносимо плохо.

– Ну, виноград у нас тут свой и правда вкусный, ваш итальянский и рядом не стоял. Однако это не отменяет точно такого же вреда от алкоголя, и я скорее имею в виду свежий виноград, а не вино, – сказала она.

Сокол повернул голову на другой бок.

– Угощайся, – сказала она, протянув мне откуда-то вытащенную ветку с виноградом, – правда, вкуснее чем вино?

– Правда, – сказал я, жуя с полным ртом винограда. – Но желание проглотить его было столь велико, что я не мог ему противостоять.

– Твое ли было это желание? – снова ехидно спросила она.

Я обратил внимание, что сокол в этот момент, сидя на той же ветке, начал как бы постукивать о нее одним пальчиком своей лапки, но звука, разумеется, не было.

– Не знаю, – проворчал я, начиная испытывать желание капризничать. – Мне кажется я так сильно этого хотел, что ничто не могло мне помешать, всё как-то получалось само собой.

– Уверен, что так уж всё гладко получалось? – возразила она. – Хочешь сказать, что мир не давал тебе знаки?

– А что, обязательно должны быть знаки, если собираешься употребить что-то вредное?

– Нет, конечно. Иначе бы люди, узнав о знаках, специально использовали бы их отсутствие как оправдание для пьяного угара. И даже при их присутствии переиначивали бы всё

так, словно их нет, – заявила она, сделав паузу и скорчив хитрую гримасу. – Точнее, им бы в этом помогали.

Елена и сокол переглянулись.

– Однако, конкретно в твоём случае, вчера знаки обязательно имели место быть. И ты их не мог не заметить. Другой вопрос, осознал ли ты их, – сказала она и кинула в меня виноградинкой.

Я начал вспоминать, параллельно жуя виноград и размышляя. Сокол все так же цокал пальчиком о ветку, словно ожидая от меня защиты диссертации, отчего становилось не по себе. Вдруг вспомнил, как прямо передо мной неизвестно каким образом треснула одна из бутылок, и я не смог заказать вторую. Я сразу же рассказал об этом и предположил, что это был знак, что не стоило пить вторую бутылку.

– Верно. Только вот это был знак, что не стоит пить и первую, – ответила Елена.

– Но почему же тогда она тоже не треснула, и вообще, почему в твоём мире вообще есть вино, раз это так нехорошо? – возразил я и нахмурился.

– А кто тебе сказал, что люди не должны иметь права выбора и права на ошибки? В каждом мире у людей свой путь и свой опыт, которые они должны пройти и получить. Это и ответ на вопрос о не треснувшей бутылке – суть была в том, чтобы дать тебе знак, а свобода выбора оставалась за тобой и Сила наблюдала за твоими дальнейшими действиями. Конечно, бывают ситуации, когда и обе бутылки вина трескаются, но в этой ты бы иначе не извлек урок. Как ты себя ощутил после?

– Мне стало очень плохо от собственных... от мыслей, в общем, – разогнал речь я. – Мне буквально хотелось лезть на стену от сожаления о своём поступке и я...

– И ты мог бы потерять не меньше энергии, чем в результате самого употребления спиртного, а то и больше, – перебила меня она. – В момент, когда тебе стало уже невыносимо от самогрызения, и ты осознал, что зря замутнил сознание, что произошло?

Я задумался.

– Блин, я так не могу, чего он сидит, смотрит на меня в одной позе и постоянно клацает пальчиком? – сорвав терпение, эмоционально спросил я у Елены про крылатого продельника.

Сокол вдруг перестал продолжать свой птичий тик и начал просто сверлить меня молча.

Елена словила очередной приступ хохота.

– Елена, эта птица сводит меня с ума, – уверенно заявил я, жалобно глядя на пернатого хищника.

– Верно, именно это она и делает, и когда ты, наконец, сойдешь с ума – сможешь более осознанно и трезво подходить ко всему, что происходит в настоящем моменте, видеть то, что обычно не замечаешь.

– Да уж, – с сожалением вздохнул я, – мне явно не стоило это делать. И правда, сейчас вижу, что были знаки, а я поступил иначе.

– Ты вновь начинаешь слушать мысли, склоняющие тебя к самобичеванию. Разотождествись уже с ними – сейчас у тебя подходящее для этого состояние. Просто наблюдай, ты же наверняка уже такое практиковал.

И правда, я неоднократно практиковал остановки внутреннего диалога и медитации, только вот что-то всегда мешало сделать это регулярной деятельностью, от которой можно получать удовольствие, а не делать потому что надо. В этот раз же я, попробовав, поразился насколько более качественно смог наблюдать за приходящими мыслями. Некоторые из них удавалось проследить очень отрешенно, некоторые же казались пугающими и разотождествиться с ними было сложнее. Что-то зачесалось в районе макушки и появилось жжение, начало нарастать чувство вины без каких-либо на то причин. Я так не любил это чувство, что чаще всего старался бороться с ним или подавлять.

– Вот тебе руна Тейваз, – сказала Елена и протянула мне камень с гравировкой знакомого символа.

«Откуда она всё достает?» – подумалось мне.

– Оттуда, – сказала Елена и начала ржать, заметив очередное недоумение на моем лице.

– О, стрелочка вверх, – сказал я, посмотрев на рисунок и зажав руну в кулаке.

Я сразу же отметил, что чувство вины стало растворяться в какой-то благодатной энергии, которая начала его замещать. И это было гораздо приятнее и эффективнее, чем подавление.

– Ты и сам также можешь. Это лишь вопрос натренированности твоего наблюдения. Чем отрешеннее ты будешь, дальше от ума, тем лучше сможешь сам принимать эмоции и трансформировать их во что душе угодно, – сказала Елена и посмотрела на сокола, который, наконец-то, отвел от меня взгляд, и мне показалось, расслабился, что ли.

– Ничто не стоит сожалений, – продолжала она, – каждый раз принимай любую ошибку как ценный мастер – класс и формируй намерение, что всё к лучшему. Может быть, если бы не эта ошибка, то ты совершил гораздо более серьезные и печальные ошибки.

Такая мысль окончательно взбудорила меня и подняла настроение. Для полного счастья оставалось лишь наладить отношения с соколом, поскольку мне, через призму моего восприятия, они казались натянутыми.

– Могу я чем-то угостить сокола? – спросил я у волшебницы. – Что он ест, насекомых?

– Он вегетарианец, – вздохнула Елена и засмеялась. – Сокол и сам неплохо охотится, как и любые другие хищники, только этот летает по огородам и тырит огурцы с помидорами.

– Фреско! – вдруг хрипло выкрикнул сокол, сорвавшись с места и улетел восвояси из межкустового пространства.

– Видимо, полетел за томатами, – вздохнула Елена, пожав плечами. – Ты и сам можешь срывать в моих садах любые плоды, какие захочешь.

– Большое спасибо! – обрадовался я. – Теперь я знаю, что могу поглощать не только бананы. Погоди... А зачем же сокол тогда похищает чужие?

– Ну, он же всё-таки хищник. Наверное, держит марку, – снова вздохнула Елена.

На следующий день, заходя к Елене в обитель с другого входа, куда почему-то сей раз подвез меня Твикс, я оказался в необычном коридоре. Это была дорожка, усыпанная чем-то вроде гальки изумрудного цвета между двумя красивыми светлыми стенами из камня высотой около трех метров, с выделанными в них высокими и узкими отверстиями, через которые проникало солнце, когда не находилось в зените. А вдоль, по бокам, росли самые разнообразные растения, многие из которых я никогда не видел. Вдруг я наткнулся на что-то знакомое.

– О, помидорки! – воскликнул я и сорвал несколько черри.

Один из них я игриво подбросил вверх, чтобы поймать его ртом, но он не вернулся – откуда ни возьмись, появился сокол и на лету схватил подброшенную помидорку, издав какой-то детский звук и умчавшись. Я услышал хохот Елены, которая уже вышла меня встречать с другого конца коридора.

– Что же это такое делается, мастер Е? Ты же сказала, что он охотится только за плодами на чужих огородах! – возмущенно и радостно выдал я.

– Всё верно! – смеялась она. – Я же сказала тебе, что он вегетарианец? Сказала. Разрешила тебе брать мои плоды? Разрешила. Ты взял мой помидор? Взял. Значит, став твоим, для него он автоматически стал чужим.

– Хищник! – еле закончила она, больше не в силах сдерживать хохот.

Я терпеливо ждал ответа от птицы, но вместо того, чтобы ответить мне, сокол взял и пожал крыльями. «Ну вот, что же еще требовалось, чтобы снова ввести меня в предобморочное состояние?» «Что творит эта птица?» «Что творит эта... птица!?» – вот какие вопросы вертелись у меня в голове.

Сокол, мне кажется, понимал всё, что со мной происходит. Я посмотрел на него взглядом исполненным смесью жалости к себе и злости к нему, а он слегка отвернул голову.

– Да не придавай ты этому такое значение, – вдруг сказала мне Елена.

– Я не могу. У тебя сокол то говорит, то молчит и пожимает крыльями. Что же это такое делается... – проныл я.

В этот момент сокол... вздохнул. Да еще с таким длинным и тяжелым, натуральным выдохом, что это окончательно вынесло мне мозги, но в этот раз вместо того, чтобы потерять сознание, я сам неожиданно для себя пустился в истерический хохот, упал на пол и валялся там, как накануне Елена. Бананов на полу, кстати, уже не было – ладошки не ощущали ничего кроме камня. В какой-то момент я поранился о что-то острое, но не мог найти обо что.

Сокол тут же вылетел из межкустового пространства.

– Видишь, как он о тебе заботится – полагаю, полетел за бинтами, – добро сказала волшебница.

– Но... Мне он правда казался наглым и издевающимся надо мной, – заявил я с горчинкой обиды, изучая ранку на ладошке.

– Может, это интерпретация твоего ума? – возразила она, – Точнее то, во что он тебя заставил поверить через призму внушаемого мнения о самом себе.

– Почему он тогда так себя ведёт? – жаловался я. – Когда слова были совсем неуместны, он ронял их, да так, что я терял сознание от неожиданности и хаоса, в который ввергался. А когда я ждал от него слов – он молчал и выдавал не менее шокирующие выходки для всей моей сущности.

– Ну, во-первых, не твоей сущности, а просто сущности, – начала объяснять она, смеясь. – А во-вторых, посмотри на свою обиду наблюдением так, как ты уже умеешь, насколько получится и прими её, ты заметишь, что она не имеет никакого отношения к самому соколу и его поступкам, и вообще не имеет отношения к происходящему. Тогда ты сможешь увидеть истинные мотивы и причины явлений.

– Вон, видишь ветку? – кивнула она головой в сторону куста, находящегося у нее за правой рукой. – Смотри на её кончик, не моргая и не шевелясь, не отводя взгляд, сколько сможешь.

– Я знаю эту технику! – вырвалось у меня, и я тут же понял, что это не имеет значения.

Я стал пристально смотреть на кончик ветки. Не знаю, сколько прошло времени, но глаза уже привыкли, пройдя через некоторые степени дискомфорта, и внутренний диалог отсутствовал. Я очень четко видел кончик ветки и всё вокруг на сто восемьдесят градусов одновременно. Я также отметил, что многие элементы всего, что я созерцал, словно переливались и меняли тона, цвета, чаще всего инверсионно.

В какой-то момент залетел сокол с чем-то белым в клюве, и я видел всю траекторию: от захода в пространство до процесса посадки – он пересек наблюдаемую мной панораму слева направо, а я всё так же не отрывал взгляд от кончика ветки ровно передо мной и чуть левее Елены. Эффект мне очень понравился.

– Теперь посмотри на сокола, – игриво скомандовала Елена.

Я посмотрел на птицу и уже не воспринимал ничего, кроме величия и красоты этого создания. К тому же, когда я увидел, что в его клюве действительно был бинт, я ощутил приятное тепло в сердце и уже не собирался падать в обморок от суетливых и тревожных вопросов в голове – ум молчал.

– Конечно же, он и просто подшучивал над тобой, в том числе, – улыбалась Елена, выдерживая из клюва сокола бинты, которые он не хотел отдавать, издавая звук, чем-то похожий на рычание. – Но всё таки, скорее не совсем над тобой.

Елена помогала мне перебинтовывать руку, и я увлекся созерцанием этого процесса, наблюдая каждую квадратную белую клеточку бинта, словно в каждой целая Вселенная, ощущая процесс так приятно, как никогда раньше. Затем я решил вновь взглянуть на сокола

и не смог остановить очередной приступ смеха, потому что он свисал вверх лапками на той ветке, на которой сидел.

– Сокол максимально эффективно ведёт себя: с одной стороны развлекает тебя настоящего, с другой – уничтожает тебя ненастоящего, – сказала она как что-то само собой разумеющееся, смешливо и твёрдо одновременно.

Сокол чихнул.

Вдруг Елена сказала, что мне теперь нужно отдохнуть и Твикс уже ждёт меня у выхода, а ей пора мыть посуду. Я без каких-либо обычно свойственных мне вопросов и любопытства распрощался с волшебницей и проследовал к выходу, загрузился в бречку и отправился в отель, наслаждаясь каждым моментом дороги.

Ночью мне приснился сон, в котором я весьма осторожно куда-то крался по комнатам дома Елены. Пот стекал по телу ручьями, и сердце учащенно стучало – меня определенно охватывала тревога. Вот я прохожу на цыпочках через одну комнату, другую, а затем третью, четвертую, и всё ещё понимаю, что я не на месте, а напряжение по-прежнему нарастает.

Наконец, я вижу дверь, и в ощущениях отзывается, что за ней то, что я ищу. Я подхожу к ней, настороженно обхватываю холодную ручку, слышу как из – за двери доносится что-то вроде скрипа и свиста, отпускаю ручку и в страхе делаю шаг назад. Собираясь с духом и мыслями, что за этой дверью то, что сейчас ищу и иначе никак, снова подхожу и дергаю за ручку, дверь открывается. Я вижу огромное пустое пространство во тьме и лишь посередине подсвеченная сверху конструкция с двухместными качелями.

Они висят на цепочках ко мне задом, качаются, но на них никого нет, ведь я бы видел плечи, голову над спинкой, если бы кто-то был. Пульс зашкаливает, я подхожу ближе. Холод пробегает по спине, ведь сейчас мне предстоит обойти качели и, видимо, убедиться, что они пусты.

Я решаюсь на эти несколько шагов, которые показались вечностью, обхожу качели и вижу, что прямо по центру сиденья стоит сокол. Он смотрит прямо и качается, вопреки каким-либо законам физики. В какой-то момент качели начинают постепенно останавливаться и вскоре совсем замирают. Сокол медленно поворачивает голову в мою сторону и издает звук, так громко, словно это была сотня птиц, а не одна: «КА-А-А-АР!!!»

Очнулся ото сна я в хладном поту. Так еще, блин, и на улице зима.

Вскочил к окну и чуть снова не убежал в кровать – там, с дороги, Твикс и трое слонов махали мне все дружно, кто рукой, кто хоботом, а у Юпитера во рту, кажется, была огромная упаковка сникерса. Я тут же проснулся еще раз и снова вскочил к окну. На улице никого не было. Стояло лето. Пора отправляться к мастеру Е.

Заходя во внутренний дворик, я обнаружил, что Елена и сокол словно выжидали меня. Крылатый расположился в смешной позе, прицепившись лапками к деревянному столбику, служившему одной из опор под навесом. У меня сложилось впечатление, что он специально выжидал моего появления для очередного своего представления. Так и да. Вдруг это пернатое существо стало яростно долбить деревянный столб, как самый натуральный дятел, да так активно, что мне поплохело, и я не понимал, почему же это снова выводит меня из себя.

– Потому что ты не остановил свой внутренний диалог, – заметила Елена.

– Слышь, сама себя останови, – раздалось в моей голове, и я чуть было не озвучил эти слова.

– Да как ты мог такое подумать? – было следующей, сильно смущающей мыслью.

– Если хотите, – прервала мой внутренний диалог Елена, – продолжайте пока тут общаться, а мы с соколом пойдем прогуляемся, он просил меня показать ему пару новеньких чужих огородов неподалёку.

– Мы с вами! – закричал я, отреагировав как-то автоматически и растерявшись от собственной реплики.

– Билеты только на троих, так что иди посозерцай кончик ветки.

Или точку в камне.

Или трещинку в ставне.

Или дырку у сокола в клюве.

Или шкурку банана на стуле.

Или неба синеву.

Иль перо птицы в саду.

Или букашку на листьях.

Или другой фрагмент жизни...

Елена продолжала так еще несколько минут, и все трое: сокол, я и Черный, дружно зевнули. Вся мыслемешалка в моей голове скоростно отправилась в небытие. Как вообще может происходить какой-либо мыслительный процесс, когда в гостях у Елены постоянно творится откровенная тарабарщина?... А сокол вообще, теперь ещё и зевает.

ПРОГУЛКА ПЕРИННО-КОЖАНАЯ

В итоге мы всё же отправились на прогулку вместе. Соколу, разумеется, приходилось нарезать пятаки вокруг нас, ведь так медленно лететь он не мог, а находиться рядом, судя по всему, хотелось. А может он просто остерегался особенно отдаляться от Елены, так как существенно непроказничал на каких-либо чужих огородах неподалёку. Когда я внутренне сформулировал такое заключение сокол вдруг спикировал вниз и стал парить со скоростью ходьбы, поравнявшись с нами. Я уже не особенно задавался вопросом, как такое возможно, ибо априори уже было ясно – это очередное, что мой ум откажется принимать. Вот я и не стал с ним согласовывать сей раз ничего. Летит и летит. В конце концов, не мешает же.

– Куда идём мы с соколом? – весело завела Елена. – Большой – большой секрет! И не скажем мы о нём...

– О, дааааа! – прохрипел сокол.

– О, нет, дурында, – поправила его волшебница.

– О, блин, – прозвучало у меня в голове.

– О, нас снова четверо, – заметила Елена.

– ОоОоОо, – захрипел сокол, примерно как Борис Николаевич.

– Нет! – оборвала Елена. – Давайте споем вместе! Что-нибудь... настоящее!

Я ощутил головокружение, за которым последовала очередная мощная остановка внутреннего диалога, в ушах аж зазвенело, а осознание настоящего момента и его острота возросли многократно.

– Тро-о-ое! Нас снова тро-о-о-е. А что тако-о-ое? Нас снова тро-о-ое! – вдруг стала напевать Елена, пародируя Корнелюка.

И вот эту песню она, сокол и я напевали довольно фальшивым, но весёлым трио, пока шли по пустынной местности. Сокол и так хрипел, но, судя по всему, дохрипелся, и голос его пропал.

– У него бывает, – спокойно сказала Елена. – Ты еще не видел что с ним было, когда он Михаила Круга пел. Мне потом еще долго пришлось ему объяснять, какие песни более менее безобидны, а какие засоряют мозги и вводят в заблуждение. Эта птица невероятно мудра, но вот ума у него не так много. Однако, он ему и не особенно нужен.

Сокол как-то странно посмотрел на волшебницу, и далее мы шли – летели какое-то время в полном молчании. Я отметил, что пальмы сегодня с желтыми листьями. Где, блин, такое еще увидишь? Пальмы зимой уже были, а осенние пальмы в принципе экспонат довольно самостоятельный. Так они ж ещё и осыпались местами, оказывается. Видимо, осень в пустыне.

Пошел дождь, и сокол не знал куда деваться, но Елена достала из рюкзака какое-то невиданное приспособление, похожее на маленькую клетку – дождевик, и далее сокола несли наподобие попугайчика в квадратной такой коробочке, в которой были окошки из того же материала.

Уже вечерело и запах от совокупности всех происходящих вокруг элементов стоял просто чудеснейший. Капли дождя падали на голову, лоб, стекали по лицу и проходили через губы, подчеркивая свежесть настоящего момента еще и вкусом прекраснейшей воды, словно из родника – такой изумительный водопад дарило небо мира Елены.

Отовсюду доносились гармоничные звуки малоизвестных мне насекомых и при этом не было ни одного паразита или другого комара, который бы меня кусал. Сокол сладко похрюпывал, а мы всё шли и шли. Солнце уже полностью зашло, и на небе появились какие-то сюрреалистические оттенки слияния цветов, словно кто-то разлил набор акварелей.

– Сокол, подъём! Зацени какое небо! – осмелился я произнести вслух.

– Киэ-э-Э-э-Э... – раздался словно стон какой-то вымотавшейся старушки из домика сокола в руке Елены.

– Ой, лучше его пока не трогай, – заботливо проворчала Елена, – очевидно же, уморился пернатый.

– Ладно, – тут же согласился я, – а далеко нам еще идти?

– А я откуда знаю? Ты же нас ведешь. Ты и скажи, – вдруг заявила Елена.

В целом, я бы мог снова потерять сознание или что-то подобное, но уже надоело, в самом деле. Спорить и возражать тоже не было никакого желания, да и сил, ведь прошли мы уже огромное количество километров и я бы вообще, с радостью присел, если б было куда. А тут еще заявляют, что это, оказывается, я их веду, а не иду за компанию смотреть, как Елена показывает соколу чужие огороды.

В итоге я просто как пьяный указываю пальцем, причем средним, в первом попавшемся направлении и заявляю, что идти нам еще двадцать семь минут.

Перинно-кожаная делегация принимает курс и направляется в сторону, указанную самым длинным пальцем, вооружившись факелом, который был извлечен из рюкзака волшебницы и поручен нести себя хозяину той же руки, что и задала направление.

Ум со своими мыслями не мешает мне, и я продолжаю наслаждаться уже ночным небом, невероятно красивыми и крупными белыми звёздами и периодически мелькающими черточками, вспышками и другими явлениями, которые завораживают. Было сухо и тепло. Спустя около получаса мы оказались у земель, покрытых различными кустарниками, деревьями и зарослями. Удивительно, но, видимо, благодаря ярчайшим звёздам, их было видно довольно отчетливо.

– Вот и чужие огороды, – радостно провозгласила Елена и начала весело прыгать на месте, вновь как маленькая девочка. Видимо позабыв, что в руке спящий обладатель клюва и перьев.

– Ка-а-ар!!! – бодро и уверенно раздалось из укрытия и сокол воспарил ввысь из этого приспособления, которое явно не являлось клеткой, а другого слова я подобрать не мог. Пожалуй, переноски. Да, с криком «Ка-а-ар!!!» сокол вылетел из своей переноски.

Я же при этом был ошарашен вовсе не от того, что сокол издал звук какой-то вороны, а от того, что у меня случилось яркое дежавю, но я не мог вспомнить, где уже было что-либо подобное. Елена бросила переноску на песок и продолжила прыгать уже с чистой совестью. Мне вообще, было невероятно весело и просто невероятно. В какой-то момент как бы незаметно протиснулся мой рассудок:

– А почему они чужие, Елена? Я не вижу здесь чьих-либо владений.

– Ты, главное, ему об этом не говори, – серьёзным тоном прошептала мне она, подставив ладошку, чтобы сокол не слышал. – А то если он это просечет, то всё пропало: заявит что, мол, не может он с не чужих огородов плоды таскать.

– А это вообще, разве огороды? – удивлялся я, пока мы шли вдоль этих, скорее, полей, чем огородов.

– Разумеется, нет, – продолжала шептать она и с серьёзным видом приложила палец к губам. – Но об этом тоже цыц.

Тем временем счастью сокола не было предела – он то и дело пикировал к какому-нибудь дереву или растению, цепляя оттуда плод, и сразу резво да гордо взмывал вверх, чаще всего роняя плод или большую его часть тут же, оставляя в клюве совсем ничего, либо крошки, которые небрежно разбрасывал по местности, как ребёнок погремушки во все стороны, издавая смешные хриплые звуки.

Было видно, что ему важны сам процесс и ощущения. Я бы даже сказал, что он глубоко погрузился в образ некоего такого brutального птеродактиля – расхитителя, если бы мог допустить, что у птиц, как и у людей, могут быть образы самих себя. Впрочем, как и то, что ныне существуют ко всему прочему еще и птеродактили, а тем более – птеродактили-расхитители.

Но, в любом случае, на ум, под наблюдение сего резвящегося шизокрыла, приходил именно такой образ, скорее всего именно от этого ум и помалкивал по большей части, кура в сторонке.

– Присядь, отдохни, – нежно сказал мне Елена, указывая на откуда-то, наконец, взявшийся на нашем пути пенёк.

Я бросил свой рюкзак и, почти в бессилии, рухнул на круглую точку, как пачка денег на дно ящика следователя. Разумеется, российского следователя.

Неумолимые звуки, доносящиеся с «огорода», сквозь усталость продолжали наполнять некоторого рода сошедшей с любого ума энергией, а точнее на никакой ум не заходящей, и намекать на нечто невообразимое, заманивая и меня самого поближе познакомиться с местностью, как бы подтягивая к себе невидимыми, но ощутимыми приятными веревочками.

Елена устроилась на другом пне, который находился рядом, и протянула мне откуда-то появившийся плосковатый круглый камень с выгравированным рисунком, похожим на молнию со лба Гарри Поттера.

– Это Соулу, – сказала она, – поможет тебе восстановить силы. Можешь, держа её, представить солнышко, которое рядом, а себя аккумулятором, который от него подзаряжается. Сделав так, я вскоре ощутил плавный и постепенный приток энергии.

– Мне периодически как-то не по себе от того, что можно вот так безвозмездно получать энергию от рун, – выдал я. – Я опасюсь каких-то зависимостей или расплаты, которые придется за это понести.

– Четвертый, четвертый, прием! На связи второй, – заговорила быстро и по-военному Елена, глядя в пространство над моей головой.

– Ты же не опасешься, когда пьешь сок или ешь свои любимые помидоры, – говорила она уже мне в глаза, опустив взгляд, – что за полученные от них энергию и вкусовые прелести ты понесешь расплату или наказание? Или, может, ты и в этих случаях, когда употребляешь пищу, представляешь что-то вроде армии праведных помидоров-убийц и бананов-варваров, надвигающихся на тебя с фронта, чтобы спросить за все фрукто-овощные «грехи»? По флангам набегают огурцы и петрушка с вилами, с неба начинает сыпаться зубастая гречка, и затем ты вдруг слышишь не самый приятный, мягко говоря, аромат, потому что это зловещий горох замыкает тебя с тыла?

– Ну, конечно же нет. Наверное... – замялся я, смутившись.

– Ну, вот так же вряд ли и какая-нибудь ромашка из твоего чая явится в одеяниях официанта, чтобы выставить тебе счёт, – продолжала она уничтожать Черного. – Или, допустим, лотос, переодевшись в сотрудника ГИБДД, выпрыгнет посреди дороги с вегетарианской колбасой в руках вместо жезла, чтобы перехватить у тебя энергии, которую ты иногда так стремишься потерять – разумеется, неосознанно.

– Рунам достаточно твоей благодарности и внимания, так же, как овощам и всему остальному, – заключила она. – Всё есть инструменты Создателя, при этом ты и сам – создатель, и я, и сокол – и мы все едины.

– Да если бы помидоры и все эти другие продукты или руны могли бы тебе ответить на подобные твои размышления, – не унималась Елена, – ты вообще можешь себе представить выражение лиц этих овощей и прочего? Да они бы смотрели на тебя, как телезрители на сборную России по футболу! Хотя нет, это даже здесь слишком. Пожалуй, как Папа Карло на бревно, которое вдруг запольхало страхом и с визгами сбежало из рук родного отца, отказываясь принимать его безусловную любовь, ибо стало уверено, что придется расплачиваться за плотницкие работы!

Я был уничтожен. Ну или не я, что-то во мне явно было уничтожено. Я вежливо улыбнулся, поблагодарил за объяснения и, резко ощутив, что должен срочно поглотить бананов или еще чего сладкого, схватил рюкзак, встал и спешно покрался в зону растительности, которую

сверху курировал веселящийся сокол, нарезаая там самые невероятные траектории и издавая самые разнообразные звуки. Елена понимающе провожала меня взглядом.

Я понятия не имел, какие фрукты могу найти, и есть ли они там вообще. Судя по соколу и его поведению, там определенно было что-то стоящее внимания. Прогуливаясь вглубь этой местности, я был действительно удивлён разнообразием доселе мной невиданных растений, деревьев и, самое главное – плодов, их было великое множество, самых разных форм и цветов. Бананов не было, но разнообразие и новизна всего остального не дали мне впасть в отчаяние, и я срывал и клал в рюкзак круглых, овальных и колючих красавцев, сколько туда могло влезть, в этот раз стараясь более-менее рассчитать всё так, чтобы рюкзак не порвался.

Вдруг начались растения, на которых я увидел какие-то светящиеся ростки, напоминающие горох, как если бы он был фосфорным. Они были ярко-желтыми с оттенком салатого. Приблизившись к одному, я воспринял что-то вроде мелодии, которая доносится как бы изнутри ростка. Это явление вместе с тем, что он еще и сам ярко светился, поразило меня.

Вдруг моя рука сорвала росток и забросила в рот, я начал его жевать. Вкус был изумительным, и правда напоминал сладкий горох. Только не из оливье, а с огорода. Также проследивались нотки ванили. Точно описать сложно, но было невероятно вкусно. Мне стало очень весело, и я начал срывать ростки один за другим и жевать их, весело прыгая от растения к растению в приподнятом настроении. Мне было так хорошо, что я буквально забылся и танцевал во внеурочное время среди всей этой растительности, поедая светящиеся штучки.

В какой-то момент до меня дошло, что мое поведение, если посмотреть на него со стороны, смахивает на поведение сокола в той картине, что я наблюдал накануне. Кстати, где он?

Я стал искать путь назад к пенёкам и Елене, который оказался довольно длинным, и, примерно через час выйдя там же, где и зашел, я увидел поникшего сокола, грустно облокотившегося на пенёк, на котором всё также сидела волшебница, лапки его были оттопырены и вид у него был какой-то грустный. Я ощутил между прочим, что тоже устал и хочу снова рухнуть на пенёк, но в итоге даже не сел на него, а облокотился спиной так же, как и сокол.

– А вот это как раз отличный пример злоупотребления энергией, – весело заявила Елена.

– Баланс – вот что вам, судя по всему, обоим, нужно усвоить, – заключила она, глядя на нас с соколом, симметрично расположенных страдальцев, опирающихся каждый на свой пенёк, словно преподаватель на сидящих за однотипными партами уставших учеников.

В момент, когда она закончила фразу, мы с соколом дружно икнули.

Я посмотрел на сокола и у меня создалось впечатление, что он, если бы мог, сейчас с удовольствием поднял крыло, заострив его кончик вверх, словно указательный палец, и крикнул бы: «Официант, водки мне!»

Но это всего лишь моя фантазия, ведь официантов в округе явно не было, как не было видно и тех, кто хоть теоретически мог бы для сокола их сыграть – всяких грызунов, койотов и так далее. Для меня главное, что не было набегающих с фронтов и флангов овощей и, конечно же, гороха, в частности. Однако в момент, когда я это представлял, сокол как-то странно покосился на меня.

– Елена... – начал я говорить, услышав свой голос как будто со стороны и поняв, что скорее мычу, чем говорю, – выходит, что расплата существует.

– Так кто и кому платит-то? – засмеялась она. – Говорю же – всё дело в балансе, в чувстве меры. Всё может быть и во благо, и во вред. Смотря как это использовать. Творец создал множество различных вещей, в том числе и растения Силы, а с какой целью и с какими намерениями их использовать – выбор каждого. Если ради кайфа и удовольствия – конечно же, наступит зависимость, инверсия и ничего хорошего из этого не последует. Какими были ваши мотивы, когда вы с соколом объедались неизвестными плодами на огороде?

– Елена, но это же не... – пытался я закончить возражение.

– Да знаю я, что это не огород, – быстро зашептала она, поставив ладошку, чтобы сокол не слышал. – Объясняла же: не портить малину птице.

Я посмотрел на сокола. Он не производил впечатления того, кому была еще интересна какая-либо малина. Хотя, он же ещё придет в себя, после отдыха, подумал я.

– Ну, мы же не знали, – начал я, как пьяный, устало отвечать на поставленный вопрос. – Нам было любопытно, понравился эффект.

– Ради эффекта вы занялись самым настоящим огородным чревоугодием, вот и подумай, с позиции баланса, каким должно было быть следствие?

Я вновь мотнул головой в сторону сокола и окинул взглядом ту часть себя, которую мог видеть, затем вновь посмотрел на Елену:

– Таким, – заключил я.

– Так и да! – радостно подтвердила она. – Теперь будете знать, что всякие финтифлюшечки, дающие силу сразу после употребления, бесконтрольно кушать без обоснованной на то причины не стоит, иначе зря растратишь энергию и получишь неизвестное состояние. Впрочем, многих это не останавливает, и они впадают в зависимость – тогда человек перестает развиваться, потому что любой конструктивный рост подменяется инверсией. Вместо того, чтобы достигать свою энергию самостоятельно, он начинает подменяет её энергией растений, в итоге получая фигу – конкретную деградацию, понимаешь?

– Кажется, понимаю, – мычал я. – Но ведь чай, кофе – тоже дают определенную силу. Получается, их тоже нельзя употреблять?

Сокол, как и я, вопрошающе глядел на Елену.

– А ты изучи внимательно, что происходит с теми, кто регулярно употребляет их. Они определенно впадают в зависимость, ничем не отличающуюся от наркотической, различается лишь сила эффекта, и, соответственно, сила зависимости. То же самое можно отнести и к рунам – если ты будешь стремиться использовать их энергию вместо своей – это приведет к тем же последствиям.

– А причем тут тогда огурцы, помидоры и горох? – спросил я. – Они же не дают силы.

– Они дают тебе энергию, – продолжала она, – это тоже сила. Однако, назначение еды и атрибутов Силы всё же различное. Если первое изначально предназначено для восполнения тобой энергии, то второе предназначено совершенно не для её восполнения – в этом и есть их главное различие.

Тем не менее, если ты начнешь бесконтрольно уничтожать и горох или там, твои любимые бананы, то и за этим будут последствия, но расплачиваться всегда ты будешь сам перед собой, ну или, в крайнем случае, перед ремонтной мастерской рюкзаков. А в случае гороха – перед кишечником, – подмигнув правым глазом, хихикнула она. – Желудочно-кишечный тракт, кстати, тоже приведёт всё к балансу, ведь вследствие переедания ты затратишь гораздо больше энергии на переваривание, а значит, в итоге потеряешь, потому что перебрал.

– К тому же, я приводила тебе пример с атакующей едой в ответ на твой неуместный страх расплаты, наказания извне, а не в контексте обсуждения непосредственно энергетического обмена. Ты же вскочил и, сломя голову, понесся в «огород», – продолжала объяснять мне она, покосившись на сокола, – не доведя тему разговора до разумного завершения. Как итог ты, услышав, что нет никакого наказания извне, стал бездумно развлекаться, без учета того, что можешь себе подкинуть свинью и сам.

Она закончила объяснения и улыбнулась. Вроде бы, нам с соколом стало всё более-менее понятно. А... этот, вообще, смотри, уже дрыхнет, подёргивая лапкой во сне.

Я снова посмотрел на Елену, и мое сердце чуть не выпрыгнуло в «огород»: у неё были заостренные уши, как у эльфа, при этом выражение лица как у Альберта Эйнштейна на знаменитой фотографии с высунутым языком, а в обеих руках по помидору, у каждого из которых

была гримаса как у хэллоуинской тыквы, и они дуэтом издавали весьма устрашающее клоукотание:

– Бе-бе-бе-бе-бе-бе, – верещали помидоры.

– Бу-ууууу, – пугала меня Елена, приближаясь со зловещими овощами в руках.

Я автоматически посмотрел на сокола, в искренней надежде, что он уже проснулся и предпримет хоть что-нибудь, но когда повернул голову, то увидел, что сокол, бодрее бодрых, с клоунским носом на клюве и поднятыми вверх и в стороны крыльями, сверлит меня взглядом и, кажется, собирается зашипеть, но...

– Ка-а-а-ар!!! – заорал он так, что у меня зазвенело ушах и вся картинка поплыла перед глазами.

Я очнулся, тяжело дыша, от того, что Елена трясла меня за плечи и била по щекам. Было душно.

– Вы проспали пару часов, уже светает. Можно возвращаться назад, – сказала Елена, слава Богу без помидоров в руках, высунутого языка и эльфийских ушей.

Я быстро перевёл взгляд на сокола – тот лишь стоял на пне и смотрел на меня с повернутой набок головой. «Ну, хоть так» – подумал я.

В поисках еды, которую можно съесть без особых последствий, я начал шарить в рюкзаке и перебирать всё то, что насобирал вчера. Благо, с собой был швейцарских ножик, иначе я бы ни за что не вскрыл большую часть из того, что там было. Вроде, ничего не светилось и не издавало звуков: сейчас меньше всего хотелось бы услышать металлику из какого-нибудь апельсина или увидеть манго, из которого вылетают красные сердечки.

Один из плодов с огромными шипами напомнил мне дуриан – самый вонючий король фруктов знакомого мира. Каково же было мое восхищение, когда я обнаружил, что по вкусу это он и есть, самый идеальный, который только можно представить – идеальный баланс вкусов лука и мороженого. При этом он совершенно не вонял, как стадо орков.

Я закрыл глаза и наслаждался каждым кусочком, замечая, как и сокол успевает отщипывать, поначалу делая это как можно незаметнее. Он подлетал и отлетал, почему-то предполагая, что раз я этого не вижу, то и не слышу, а затем, просто забив на всё, расположился на моем колене и стал брутально клевать сей райский плод.

Елена вдруг взяла и достала из своего рюкзака бананы.

– Так у тебя были бананы?! – спросил я вопиюще-мычащей интонацией, с набитым ртом. – А почему мне не сказала?!

– Так ты и не спрашивал, – спокойно бросила она.

Мы с соколом вопросительно переглянулись.

Следует отметить, что за столь непродолжительное время сна я изрядно набрался сил. Видимо сон на свежем воздухе и в таком необыкновенном месте восстановил гораздо быстрее. А может, Елена дополнительно подкладывала мне руну Соулу, пока я спал. Самое главное, что не зубастые помидоры.

Дорога обратно прошла бодро и весело. Сокол в этот раз не нарезал круги вокруг нас, поддерживая караван, а решил проявить мудрость и по прямой сиганул в сторону дома, стартовав с каким-то нелепым и смешным продолговатым визгом, который затихал по мере его отдаления: вне всяких сомнений, он уже точно запомнил локацию огорода со светящимися ништяками и прочей вкуснятиной.

По прибытию на базу, во внутренний дворик обители Елены, она тут же отправилась мыть посуду, а я сразу собрался дорваться до бананов, которые мог уже сорвать сам, но что-то внутри остановило мой пыл. Я подумал, что пора пересмотреть свои привычки на тему потребления: порванный рюкзак, упадок сил, сбитая чистота осознания и другие случаи, всплывшие в памяти – всё это же не просто, а в результате моих ошибок. И вместо привычных шести-восьми бананов я взял парочку, съел один не спеша. А второй захомячил сокол, пикируя

с востока на запад вдоль межкустового пространства, он перехватил его на лету, как только я подчистил кожуру и был таков.

Тогда я выдержал паузу, убедился, что всё ещё голоден, после чего уверенно и спокойно съел второй.

– Вам повторить? – спросил я у сокола.

Сокол промолчал. Видимо, воздержался.

Я почувствовал себя гораздо лучше от двух очень медленно и осознанно съеденных бананов, чем в те разы, когда уничтожал сверх полдюжины, да и удовольствия получил гораздо больше, концентрируясь на бесконечной палитре вкусовых качеств, которую можно в полной мере ощутить, лишь пребывая в моменте. Можно сказать, что я погружался во вкус словно в целую банановую галактику, вселенные сладких, глубоких планет и океанов объемного наслаждения, которые различали тысячи рецептов – всё это было таким живым и волшебным...

– Как же я раньше не замечал такого чуда? – подумал я вслух, и вздохнул, ощутив невероятно красочно теперь и свой вдох, как прохладный шелковый поток наиприятнейшего воздуха, наполняющего энергией и силой, а выдох – как более теплый, согревающий и окутывающий пространство, несущий облегчение и очищение.

– Как же я раньше не замечал такого богатства? – вновь сказал я вслух с искренним изумлением.

И меня озарило: эврика, вот оно! Вот то, о чем говорят все духовные учителя и ищущие, которые описывают прелесть настоящего момента в безмолвии. Все те, кто ищут свободы и счастье. Вот оно где! В бесконечном вкусе банана, в невероятной глубине сладкого воздуха. В прикосновении к изумительно-гладкому клюву сокола, хоть я его и не осмеливался трогать. В каждом прикосновении. В каждом запахе. В каждом звуке. В каждом слове. В каждом чувстве. Всегда. Везде. Во всём...

И да, верно говорят – это всегда рядом и бесконечно просто, но я ни за что не стану отрицать и того, что это бесконечно сложно. Сколько лет у меня ушло, просто чтобы хотя бы иногда начать по-настоящему ощущать то, что всегда было ближе рук? И нет, это не нос. Это вообще всё. Это сама жизнь. Это прекрасная птица, весело верещащая в огороде бесконечного изобилия светящейся прелести, пернатый ребёнок любви.

Пошел дождь. Ощутив его прикосновение как нечто гораздо лучшее, чем самый сильный экстаз, который когда-либо переживал в жизни, я в полном забвении ума и полной осознанности духа начал танцевать. Я никогда не умел танцевать, но это было неважно, в этот момент я делал это идеально, потому что сам являлся этим моментом.

Сокол так вдохновился моим примером, что тоже пытался пуститься в пляс, но не учел разницу в наших поверхностях и свалился с ветки. Это не остановило его, и он начал творить нечто уже на Земле, кружась вокруг своей оси, то закидывая голову клювом вверх и лапкой вперед, а крыльями назад и внутрь, то с наклонами головы вперед, растопыривая крылья вверх, оттягивая лапку назад.

Елена, судя по всему, несла нам какой-то чай, потому наш танец прервал звук подноса и кучи посуды, выпавших из её рук сразу, как она вошла в межкустовое пространство. И первая мысль за долгое время внутренней тишины появилась в моем сознании: «Наконец-то, теперь я и сам ошеломил мастера Е».

Кто бы сомневался, вскоре она пустилась в танец вместе с нами, и в этот раз, чтобы не испортить момент, мы не стали петь ни Корнелюка, ни Укупника. Фоново я понимал, что хоть, наверное, ещё недостаточно осознан и готов к тому, чтобы сохранить это состояние навсегда, следует насладиться им по максимуму, пока оно есть, уж точно празднуя как минимум новую вершину осознания, ласково шепчущую о том, что я на верном пути.

Вечером, отправившись в отель, я решил пройти все расстояние пешком, растягивая удовольствие от пейзажей. Бездонное пастельно-серо-синее небо с объемными пепельными облаками, которые подсвечивала нежно Луна и проступающие ярко-белые звёзды, сводило с ума и опьяняло душу. Ветер дул очень бережно, обволакивая кожу и ощущался ресницами: ни хладен, ни тёпл, а просто изумителен. Каждый раз думаешь, Боже, никогда еще мгновения такого не было, да вот вновь и вновь находится новое, другое, но такое же прекрасное или лучше... А всё дело лишь в остановленном внутреннем диалоге, всего-то навсего.

Как рад же я вам, небо и земля!

И ум молчит. Глубок момент, ох, уф...

И отражает добрые, прекрасные края

Ох, этот глянцевоый, ах, соколиный клюв.

ПОДСТАВА В ГАЛСТУКЕ

Следующим утром Твикс, как обычно, ждал меня возле входа в отель. Мы поздоровались, и я устроился в бричке. Он был в традиционном ослепительно-белом костюме и цилиндре, которые в этот раз вызвали у меня свежую порцию и глубину наслаждения.

– Позвольте поинтересоваться, отчего же Вы всегда в белом, а не в черном, как большая часть тех, кто носит подобные прикиды, мистер Твикс? – полюбопытствовал я.

– Черный цвет неосознанно выбирают для утешения те, у кого есть какие-либо проблемы с энергетическими центрами, – начал терпеливо и обаятельно отвечать кучер. – У нас есть как минимум семь центров семи цветов радуги. Если с одним из них у человека неполадки, то соответствующий цвет в чистом виде вызывает у него некоторое неприятие. А поскольку у большинства людей проблемы со всеми семью, то и отсутствие неприятия найти им удастся пуще всего в темных, грязных оттенках цветов или в черном. Черный – в действительности и не цвет вовсе, а отсутствие цвета. У женщин, к примеру, дела с центрами в среднем получше, чем у мужчин, поэтому у прекрасных дам мы чаще можем наблюдать вещи и одеяния ярких чистых цветов.

– Очень интересно, мистер Твикс! – сказал я, ощутив положительный внутренний отклик на каждое сказанное им предложение.

– Что же касается белого, – продолжал он, – в нем также некоторые могут найти утешение, как и в нейтральном сером цвете. Но случается это гораздо реже. Моими же мотивами является искренняя и осознанная любовь к белому цвету и свету, я чувствую его как чистоту Создателя и Небеса полные Светлых Сил. Однако, например, носки у меня ярко-голубые, домашняя футболка – зеленая, халат – желтый, а семейники...

– Уоу, уоу, уоу, мистер Твикс, я Вас понял, – поспешил вмешаться я. – Это действительно занимательно! Благодарю за такие подробные разъяснения.

– А я Вас за пристальное внимание к информации, – ответил Твикс.

– А я Вас за саму информацию! – продолжил я.

– А я Вас за внимание, – продолжил он, взмахнув указательным пальцем вверх.

– И я Вас благодарю! – вновь подчеркнул я с энтузиазмом.

– И я Вам бесконечно благодарен! – настаивал и он с шармом.

Мы продолжали так несколько минут, и чувство благодарности только росло. Но, кажется, кому-то из слонят это конкретно надоело, и когда количество наших реплик побило отметку в сотню, а возможно – в сто восемь, один из них издал невероятно громкий непристойный звук. В результате чего мы были вынуждены остановить перестрелку приятностями из-за срочной нужды заблокировать носы.

– Странно, – заметил Твикс своим аристократическим тоном, когда ароматы развеялись, – мне казалось, Марс вчера не кушал сникерс.

– Что – о? Он укусил своего друга? – испугался я и одновременно ощутил дежавю.

– Да нет же, я имел ввиду шоколадку сникерс, – словно с английским акцентом глаголил Твикс. – Вы часом не отметили весьма не тонкий аромат будто бы годовалых орехов?

– Хм, вот вероятно, – поддержал теперь уже я каким-то акцентом доцента, вооружившись своим обостренным в последнее время восприятием органов чувств.

Мы подъехали к обители Елены, я перед уходом подошел персонально к Марсу и по – дружески похлопал его по хоботу. Он же неожиданно отдернул уголок рта и растянул мышцы, и получилось так, что взял и улыбнулся. Вот хоть стой, хоть падай. «Сколько же всего я еще не видел?!» – подумал я.

– Вчера и у меня было столь прекрасное настроение, что после твоего отъезда я до раннего утра намывала тарелки, – начала восторженно Елена, встретив меня. – Причем, перемыла

все глубокие, затем плоские, а после все их по кругу вновь еще несколько раз. Думала, что сокол свернет себе шею в своих постоянно сменяющих друг друга позах, выражающих удивление или недоумение – полагаю, что его шея устала гораздо больше, чем мои руки.

– Класс! – констатировал я, смеясь одновременно над очередным приколом про птицу. – А я решил прогуляться домой пешком и, кажется, целую вечность любовался невообразимой красотой и разнообразием в, казалось бы, монохромной палитре неба, а по пути сюда сегодня Марс испортил воздух сникерсом, а потом улыбнулся.

Сокол, услышав это, прикрыл глаза крылом, а Елена расхохоталась.

– Как смотришь на то, чтобы отправиться в очередное путешествие? – спросила волшебница. – В курсе ли ты, что за теми горами на горизонте, в нескольких километрах отсюда – зелёный океан?

– Что-о-о?! – воскликнул я. – Океан?! Даже не подозревал! И ты молчала?! А как это – зелёный?

– Ну, не синий. Как еще, не знаю, – говорила она, как о чем-то заурядном. – Там много различных мест Силы и порталов на побережье. Можешь побывать и там. Как смотришь на это?

Я заявил, что смотрю на это так, что если раньше знал об этом, то лучше бы присмотрел отель где-то в тех местах. На что она ответила, что там нет ни отелей, ни домов – лишь довольно труднопроходимая скалистая местность, и если захочешь позагорать – придется делать это на обрыве скалы.

– Есть спуски к воде, конечно, но не каждый туда сунется, – уточнила она. – Вон, сокол, вроде птица, а и сам слетать туда боится, почему-то переживает, что не залетит обратно.

Я обратил взор на сокола – тот сразу отвернул свой шнобелёк.

Елена объяснила, что в этот раз придётся с собой взять побольше воды, а еще валерьяны, пустырника, Melissa, и даже обмолвилась, что совсем не будет лишним, если я возьму аптечку с чем-то гораздо более сильным из успокоительных, если таковая, случайно, у меня где-то имеется. Я нашел это забавным и до вечера смотался в отель, где на дне чемодана, еще с давних времён у меня лежала как раз подобная аптечка.

Я был уверен, мне она вряд ли когда-либо еще пригодится, да и в этот раз, что бы там ни было.

– Я не хотел бы употреблять аптечные препараты, Елена, – заявил я

– Так это и замечательно! Это тебе чисто для спокойствия, пусть просто валяется в рюкзаке, да и все, – бросила она.

Я предложил, чтобы моя аптечка тогда была в ее рюкзаке, она засмеялась и согласилась. Вскоре мы отправились в сторону гор. В этот раз сокол почему-то отставал, словно сопливец, прокрастинируя поход в детский сад, только его-то и за ручку никто не вел, да и дитём из троих по развитию тут скорее был я.

Через пару часов мы были у подножия гор, а ещё через час взобрались на высоту около пятисот метров, и я поразился открывшейся панорамой: это был действительно зелёный океан, солнце уже клонилось к закату и, как нельзя кстати, в нём красиво играли желто – розовые блики. Чтобы приблизиться к побережью, нужно было пройти еще около пары километров по горной заросшей местности. Дикая растительность там была для меня в новинку и напоминала смесь джунглей и смешанного леса, только больше половины деревьев и прочего я никогда ранее не видел. Елена пояснила, что с этой черты начинаются места Силы, их тут очень много и они самые разные.

Мы направились в сторону побережья. Я отметил чрезвычайную бодрость, несмотря на долгий путь, и очень веселое расположение духа. Елена смеялась над тем, что я очень быстро шел, подпрыгивал как герой мультфильма и постоянно разговаривал. Я и правда не мог остановить словесный поток и восхищался тем, какие же вокруг дивные места.

– Да зачем же тут аптечка, Елена? Я жил бы здесь, хоть в палатке! – кричал я.

– Прекрасно! – как-то не так чтобы естественно поддакнула мне она.

Сокол уж не летел, а ехал, так сказать, на плече Елены еще с тех пор как мы взошли на высоты, и я, между прочим, не сразу заметил, что он вообще уже что-то давно молчит.

– Кстати, а чего сокол какой-то прибитый? Чего он молчит-то? – поинтересовался я

– Не знаю. Может, думает? – предположила она каким-то вновь неестественным тоном.

Странное чувство вдруг посетило меня. Я посмотрел внимательнее на сокола. Тот и правда выглядел как-то не так. Мне показалось, что если бы у него не было перьев, то было бы видно, что он побледнел. Хотелось как-то убедиться в подобной версии или опровергнуть её, чтобы успокоиться. Идею быстро и незаметно обрить сокола машинкой для стрижки волос в джунглях я практически сразу отбросил как неуместную – машинки с собой не было.

В голове завертелись размышления: «спрашивать у птицы напрямую как-то неловко – тогда Елена узнает, что я подсел на паранойю, а сокол наверняка окрестит меня лохом. С другой стороны, меня что-то прёт так, что я в любом случае не удержусь и спрошу. Да и с чего вдруг у соколов возьмется человеческая классификация из жанра девяностых? А Елена, кстати, возможно и так знает гораздо больше, чем мне кажется, в том числе и о моем текущем состоянии. Она же знала про бутылку в отеле. Тогда чего я вообще боюсь? Боюсь спросить?... А о чем я вообще хотел спросить?» – я действительно запутался и ощутил какие-то странные нотки бредовости, что ли, своего мышления. Повернувшись к Елене и собираясь отвлечься разговором на любую другую тему, я с ужасом обнаружил, что её нет.

Вокруг не было никого кроме меня, незнакомых деревьев, а также, наверное, еще более незнакомых экзотических всяких зверей, насекомых и всего остального. Вспомнился фильм «Хищник» и стало как-то совсем не по себе. В голову полезли сюжеты и из других подобных фильмов. Я решил, что лучше мне не стоять на месте в такой ситуации, а идти примерно туда, куда и шел – может, выйду к океану и встречу там Елену с пернатым.

Тронувшись с места, я вдруг наступил ногой на что-то мягкое. Посмотрев под ногу, я не обнаружил там ничего особенного – лишь чрезвычайно мягкий участок земли. Вскопнув его слегка ногой, я увидел край торчащего оттуда тонкого предмета, вроде пластины. Потянув, я достал фрагмент непонятного изделия вроде доски из незнакомого материала, похожего на мягкий металл. На нём было несколько непонятных символов явно незаконченной фразы – начинаясь с отступа, на самом краю серия символов резко обрывалась на четвертом. Отряхнув получше, я засунул эту штуку себе в рюкзак и собрался идти дальше, резко вспомнив о том, что остался один непонятно где, и ощущение животного страха вновь охватило мое тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.